МИХАИЛ ШВАРЦ

УСЛОВИЯ ВЫБОРА

Михаил Шварц

Условия выбора

«Автор»

2026

Шварц М.

Условия выбора / М. Шварц — «Автор», 2026

Аннотация будет опубликована немного позже После десятой или одиннадцатой главы

© Шварц М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Правила 5
Глава 2. Лишний час 9
Глава 3. Активный профиль 21
Глава 4. Раньше желания 29
Глава 5. Условия 41
Глава 6. Присутствие 49
Глава 7. Связи 57
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Михаил Шварц
Условия выбора

Глава 1. Правила

Снег оказался глубже, чем выглядел с дороги. Верх прихватило морозом, и под редкими фонарями наст поблёскивал почти красиво, но стоило наступить сильнее, как корка ломалась и нога уходила почти до колена. Первые минуты женщина ещё пыталась бежать. После аварии любое движение вперёд казалось лучше остановки. Потом дыхание стало коротким, левая нога начала отставать, и пришлось перейти на быстрый неровный шаг. Под курткой давно было мокро. Сначала тепло крови даже успокаивало, теперь ткань остыла и прилипала к боку, а боль почему-то стала слабее. Это нравилось ей гораздо меньше.

До трассы оставалось меньше километра. По крайней мере, так она запомнила карту. В городе такое расстояние проходишь, не замечая; здесь каждый десяток метров приходилось забирать отдельно. Она выбирала дерево впереди, доходила до него, несколько секунд держалась ладонью за кору и искала следующее. Смотреть далеко было бесполезно: стволы слипались в тёмную стену, ровный снег скрывал корни и ямы, а звук дороги то уходил вправо, то неожиданно оказывался впереди. Один раз шум машины прошёл настолько отчётливо слева, что женщина остановилась и долго прислушивалась, пытаясь понять, не сбилась ли с направления.

Позади между деревьями вспыхнул красный свет. Через секунду ещё раз. Аварийная сигнализация продолжала работать. Ниже, почти у земли, виднелась одна уцелевшая фара, направленная поперёк дороги. Она освещала кусок снега, нижние ветви и сорванный край бампера. С такого расстояния всё произошедшее выглядело почти обыденно: автомобиль съехал с зимней дороги и врезался в дерево. Утром дорожная служба сфотографирует следы, кто-нибудь выгрузит журнал ошибок, и вся эта ночь уместится в несколько строчек отчёта. Скользкое покрытие. Ошибка электронного ассистента. Потеря управления. Никаких причин искать что-то ещё.

Из Ардовска она выехала поздно. До Веллара ночью обычно добирались быстро: большая часть пути шла по трассе, после полуночи поток редел, городские пробки оставались позади. Навигатор она включила скорее по привычке. Ещё на окраине приложение предложило свернуть с основного маршрута и обещало выиграть семь минут. Она отказалась. Через некоторое время тот же объезд появился снова, теперь уже с одиннадцатью минутами экономии. Женщина закрыла предложение второй раз и отключила голосовые подсказки. Ей всегда не нравилось, когда программа возвращалась с уже отвергнутым советом, хотя всерьёз раздражаться на навигатор было примерно так же разумно, как спорить с прогнозом погоды.

Минут двадцать ничего не происходило. Потом участок трассы впереди покраснел, время прибытия выросло почти на сорок минут, а поверх карты появилось предупреждение о крупном происшествии и ограничении движения. До того самого съезда оставалось меньше километра. Женщина ещё раз посмотрела на карту и включила поворотник. Теперь объезд действительно стал разумнее. Она не подчинилась программе и не передумала под давлением — просто изменились обстоятельства. Тогда эта мысль показалась настолько очевидной, что задерживаться на ней не имело смысла.

Местная дорога быстро стала уже. Фонари закончились, последние дома исчезли, лес подошёл почти вплотную к обочине. Асфальт местами скрывался под снегом, но колея оставалась ровной, а через восемь минут маршрут должен был вернуть её на трассу. Первый сигнал прозвучал после очередного поворота: короткий писк, жёлтый значок на панели, преду-

преждение о препятствии впереди. Женщина убрала ногу с газа. В свете фар были только две снежные колеи и тёмный лес. Через несколько секунд сообщение исчезло.

Второй сигнал заставил её сбросить скорость ещё сильнее. Руль на мгновение стал тяжелее, словно система удержания полосы решила поправить траекторию там, где самой разметки уже почти не было видно. Женщина вернула машину правее. На приборной панели что-то мигнуло и сразу погасло. Она уже искала глазами место, где можно остановиться и отключить электронных помощников, когда предупреждение появилось снова: «Препятствие обнаружено». Перед автомобилем по-прежнему ничего не было.

Руль ощутимо потянуло в сторону. Она дёрнула его обратно почти рефлекторно, задние колёса сорвались на снегу, и дальше остались только отдельные кадры. Обочина. Сосны в свете фар. Тормоз под ногой. Совершенно пустая дорога перед капотом — настолько пустая, что именно это она потом запомнила лучше всего. Потом вырос ствол, ремень ударил под ключицу, подушка безопасности раскрылась с сухим хлопком, и мир на какое-то время исчез.

Очнулась она в тишине. Двигатель заглох, салон стоял под углом, в воздухе смешались запах горячего пластика и сработавших пиропатронов. Попытка выпрямиться закончилась резкой болью в боку. Пришлось снова прижаться к креслу и ждать, пока перестанет казаться, что машина продолжает медленно крениться. Возле зеркала мигал красный индикатор аварийной системы. Центральный дисплей сообщал, что соединение со службой помощи установить не удалось.

Снаружи холод быстро пробрался под одежду. Женщина поднялась к дороге и вернулась по следам машины туда, где начался занос. Две колеи шли ровно, затем смещались к обочине и уходили вниз. Никакого препятствия. Ни животного, ни ветки, ни чужих следов. Она постояла, освещая снег фонариком, и постепенно собрала вполне нормальное объяснение: камера ошиблась из-за снега или блика, ассистент попытался поправить курс, она слишком резко ответила рулём, шины потеряли сцепление. Этого было достаточно.

В багажнике нашлись аптечка, фонарь и зимние перчатки. Под курткой оказался длинный порез сбоку. Первая салфетка быстро пропиталась, пришлось добавить вторую и затянуть поверх шарф. Телефон почти не ловил сеть. На сохранённом участке карты основная трасса проходила совсем рядом. Женщина посмотрела на машину, на редкие вспышки аварийных огней и решила идти. Решение казалось вполне разумным, пока снег не начал отнимать силы быстрее, чем она рассчитывала.

Через несколько минут на телефоне появилась одна полоска сети. Вызов не прошёл, зато поверх экрана открылось служебное уведомление: сведения о происшествии зарегистрированы, рекомендуется оставаться возле транспортного средства. Женщина перечитала сообщение дважды. Значит, хоть что-то передалось. Возможно, автомобиль успел отправить координаты до потери связи. Возможно, телефон поймал короткий служебный пакет там, где обычный звонок уже не работал. Совет тоже был правильным: после аварии человеку действительно безопаснее ждать помощи возле машины. Она закрыла уведомление и продолжила идти. Возвращаться через снег теперь казалось хуже, чем двигаться к шуму трассы.

Свет дорожных фонарей появился между деревьями неожиданно быстро. За последним рядом сосен блеснул металлический отбойник, а за ним лежал мокрый асфальт. Женщина остановилась и впервые за долгое время улыбнулась. Вот и всё. Никакой потерянной дороги. Никакого круга. Карта не ошиблась.

На трассе почти сразу показались фары. Она подняла фонарь, но машина ещё находилась далеко. Перед ней загорелся указатель съезда, затем мигнул правый поворотник, и свет ушёл за деревья. Следующая машина тоже свернула. Потом третья. Над дорогой работало электронное табло: водителям предлагали воспользоваться правым съездом из-за опасности впереди. Женщина посмотрела туда, куда уходили автомобили. Никаких проблесковых маяков, дыма

или перекрытия отсюда видно не было, но происшествие вполне могло находиться дальше по трассе.

Она перелезла через ограждение и пошла по обочине в сторону Веллара. По асфальту двигаться было легче, хотя слабость теперь накатывала волнами. Через несколько минут телефон снова завибрировал. То же уведомление: рекомендуется вернуться к автомобилю и ждать помощи. Женщина погасила экран, не дочитав. Совет оставался правильным. Именно это начинало раздражать.

Впереди появился знак с номером съезда. Она прошла ещё несколько шагов и остановилась. Сочетание цифр было знакомым. Именно этот номер она уже видела на карте вечером, когда навигация впервые предложила свернуть с основной трассы. Несколько секунд женщина смотрела на табличку, затем заставила себя идти дальше. Большая развязка могла иметь несколько ответвлений с одним номером. После удара память тоже нельзя было считать надёжным прибором. Объяснение нашлось почти сразу, и от этого почему-то не стало спокойнее.

Через несколько сотен метров у дороги показалась старая колонка экстренной связи. Красная кнопка была потёрта по краям. Женщина нажала её и наклонилась к решётке динамика. После треска прозвучал короткий сигнал.

— Мне нужна помощь. Я попала в аварию на объезде в сторону Веллара. Я ранена и не знаю, на каком километре нахожусь.

Несколько секунд в динамике шумело, затем включилась спокойная запись: вызов зарегистрирован, участнику дорожного происшествия рекомендуется оставаться в безопасном месте и следовать указаниям экстренных служб. Женщина дождалась конца сообщения, нажала кнопку ещё раз и попросила назвать номер колонки. Запись повторилась почти без изменений. Ничего удивительного: старая автоматика, плохая связь, оператор мог просто не подключиться. На боковой панели обнаружилась металлическая табличка, почти залепленная мокрым снегом, но мелкие цифры уже расплывались перед глазами.

Телефон включился со второй попытки. Один процент заряда. На экране снова стояло прежнее уведомление: «Ожидайте помощь у транспортного средства». Она не закрыла его сразу.

Машина советовала остаться возле машины. Телефон советовал вернуться к машине. Аварийная колонка предлагала по сути то же самое. Каждая рекомендация была разумной. Каждая исходила из системы, которая выполняла ровно ту задачу, для которой её создавали.

Женщина подняла глаза на пустую дорогу. Где-то в памяти всплыла фраза, услышанная много лет назад. Она не помнила ни человека, который её сказал, ни обстоятельств разговора, только смысл: если несколько независимых систем приводят тебя к одному и тому же решению, иногда полезно сначала убедиться, что они действительно независимы.

Тогда это показалось ей красивой паранойей. Сейчас — просто неуместной мыслью после сильного удара головой. Она убрала телефон в карман и пошла дальше.

Фары очередной машины появились далеко впереди. Женщина подняла фонарь обеими руками и стала махать. На этот раз автомобиль долго шёл прямо. Несколько секунд она уже была уверена, что водитель увидит её. Потом вспыхнул правый поворотник. Машина свернула к тому же съезду. Следующая сделала то же самое, а после неё трасса опустела.

Женщина села на металлическое основание ограждения и впервые не заставила себя сразу подняться. Фонарь лёг рядом. По мокрому асфальту тянулись отражения дорожных ламп, электронное табло исправно меняло строки, вдалеке мигал указатель съезда. Всё вокруг работало. Именно это теперь казалось самым неправильным.

Если утром она окажется в больнице, произошедшее наверняка разберут по частям. В машине найдут ошибку датчика. Дорожники покажут запись об ограничении движения. Оператор связи объяснит, почему аварийное сообщение дошло, а обычный звонок — нет. Кто-нибудь развернёт схему развязки и покажет, почему один номер встретился дважды. Даже

поток машин, уходивший на съезд, наверняка будет иметь простую причину. В каждой отдельной истории найдётся человек, который посмотрит на неё с терпеливым выражением и всё объяснит. И, скорее всего, каждый будет прав.

Она закрыла глаза и вспомнила первый запрос навигации. Семь минут экономии — отказ. Потом одиннадцать — снова отказ. Затем на трассе произошло нечто, после чего тот же самый маршрут стал разумным. Она свернула сама. Когда машина начала уходить с дороги, руль дёрнула сама. Из разбитого автомобиля выбралась сама. Решила идти к трассе сама. Уведомление закрыла сама. Никто не запирал двери и не заставлял выполнять команды. До этой минуты слово «сама» её успокаивало. Теперь перестало.

Если бы навигатор просто приказал свернуть, она могла бы не послушаться. Если бы дорогу перекрыли шлагбаумом, его можно было увидеть. Если бы автомобиль самостоятельно направился в дерево, существовал бы конкретный момент, после которого всё стало ненормальным. Здесь такого момента не было. Были небольшие изменения обстоятельств, и после каждого из них один вариант становился чуть разумнее другого.

Женщина посмотрела туда, где исчезли последние машины. Возможно, спасатели уже приехали к разбитому автомобилю. Возможно, координаты действительно передались. Возможно, вся эта ночь состояла из плохой связи, неисправного датчика, кровопотери, зимней дороги и цепочки совпадений. Это по-прежнему было самым вероятным объяснением.

Проблема заключалась в другом: она всё ещё могла выбирать.

Просто теперь уже не была уверена, кто выбирает условия.

И только тогда до неё дошло, почему ни один отказ за эту ночь ничего не изменил: ей всё это время позволяли бежать.

Глава 2. Лишний час

Мия расстегнула ремень раньше, чем Алекс успел поставить машину ровно. В зеркале мелькнула её ладонь, уже добравшаяся до дверной ручки, но он ничего не сказал и продолжил медленно сдавать назад между серым хэтчбеком и потемневшим снежным валом, который к середине февраля окончательно сросся с парковкой. Колёса встали параллельно бордюру, камера погасла, и только тогда Алекс повернулся к заднему сиденью. Мия всё ещё держалась за ручку. Встретившись с ним глазами, она тяжело выдохнула, защёлкнула ремень обратно и всем видом показала, что делает это исключительно ради спокойствия взрослого человека, а не потому, что признаёт его правоту.

Когда двигатель стих, ремень снова щёлкнул. За следующие полминуты Мия успела уронить спортивную сумку на пол, дважды попасть молнией куртки мимо замка и начать поиски резинки для волос, которая всю дорогу лежала рядом с бутылкой воды. Алекс дал ей проверить карманы, пространство между сиденьями и даже собственный капюшон, потом перегнулся назад, поднял резинку двумя пальцами и протянул.

— Ты её видел, — Мия забрала резинку, но вместо благодарности сразу принялась собирать волосы. — Я под сиденьем лазила. Сумку всю перевернула. А ты просто сидел.

Алекс устроился обратно и совершенно не попытался выглядеть виноватым.

— Последние минут десять — точно. Сначала хотел сказать. Потом ты полезла искать её в капюшоне, и мне стало интересно, насколько далеко зайдёт расследование. После этого вмешиваться было уже почти непрофессионально.

Мия затянула хвост и несколько секунд возилась с пряжкой сумки. Уголок губ дрогнул раньше, чем она успела решить, насколько серьёзной должна быть обида.

— Вот поэтому мама и говорит, что меня нельзя надолго оставлять с тобой. После тебя я начинаю спорить.

Алекс уже взял телефон, но положил его экраном вниз на центральную консоль. За честь сестры стоило вступиться хотя бы в вопросах точности цитирования.

— Я твою маму знаю дольше, чем ты. Она говорит немного иначе: после меня у тебя становится слишком много аргументов. Спорить ты прекрасно умела и раньше, поэтому чужие заслуги я себе приписывать не буду.

Мия проверила балетные туфли, форму и бутылку, застегнула сумку, однако дверь, к которой минуту назад так торопилась, внезапно потеряла всякую привлекательность. Алекс эту перемену знал: если ребёнок перестал спешить там, где только что собирался выскочить из машины, настоящие переговоры ещё даже не начинались. Мия пропустила ремень сумки между пальцами и с подчеркнутым равнодушием посмотрела на стеклянные двери студии.

— После занятия можно какао? Только нормальное. В прошлый раз ты взял такое маленькое, что оно закончилось раньше, чем я успела понять, вкусное вообще или нет.

— Среднее, — согласился Алекс сразу, оставив её без подготовленной борьбы.

Лёгкая победа явно не входила в план. Мия открыла дверь, поставила один ботинок на мокрый асфальт, но выходить не стала.

— А маленький кофе с молоком мне можно. Ты сам говорил, что от совсем маленького иногда ничего страшного.

За лобовым стеклом две девочки примерно её возраста перебежали парковку к студии. Одна перескакивала через лужи, вторая что-то показывала матери в телефоне. Алекс дождался, пока они уйдут с проезда, и снова посмотрел на племянницу.

— Тебе восемь, и я уже знаю продолжение. Сейчас выяснится, что кофе разрешают почти всей вашей группе.

Мия мгновенно выпрямилась. Холод из открытой двери перестал существовать. Она успела сообщить, что не «почти всей», а действительно почти всей, и уже собиралась подкрепить статистику конкретными именами, когда Алекс поднял ладонь.

— Свидетелей можешь не вызывать. Чужие родители отвечают за свои решения, а мне вечером возвращать тебя твоей маме и объяснять, почему ребёнок в два часа ночи лежит с открытыми глазами и изучает потолок. Поэтому какао. Среднее. Пока условия прекрасные.

Кофейное направление закрылось. Мия приняла поражение без восторга, но быстро нашла позицию, которую ещё можно было спасти.

— Тогда с маршмеллоу.

Алекс наконец улыбнулся и кивнул в сторону студии.

— Вот теперь переговоры стали разумнее. Иди, пока договор действует.

Мия захлопнула дверь и побежала через парковку. Февраль в Ардовске уже заметно устал изображать настоящую зиму. На проезжей части снег почти исчез, зато вдоль бордюров лежали рыхлые серые валы с песком, прошлогодними листьями и мелким мусором, несколько месяцев удачно прятавшимся под белым. С крыш капало, мокрый асфальт иногда ловил солнце так ярко, что приходилось щуриться, но ветер между домами быстро напоминал, зачем на куртках придумали молнии.

Мия дошла до входа, встретила девочку из своей группы и уже собиралась скрыться внутри, когда остановилась. Алекс решил, что она что-нибудь забыла, однако племянница вернулась без прежней суеты, придерживая сумку рукой, чтобы та не била по бедру. Он опустил стекло ещё до того, как она подошла.

— Ты будешь здесь, когда мы закончим? — Мия наклонилась к открытому окну. В голосе уже не осталось ничего от торговли за кофе. — Я знаю, что долго. Просто чтобы я вышла, а ты уже был.

Алекс убрал руку с телефона, который собирался разблокировать.

— Буду. Если куда-нибудь отойду, вернусь раньше тебя. Даже если закончите раньше времени. Так что занимайся спокойно и не проверяй вход каждые пять минут.

Этого ей хватило. Мия кивнула, сделала несколько шагов и снова стала собой. Уже у двери обернулась и подняла палец.

— И какао не забудь. После тридцати у вас там что-то с памятью происходит.

Алекс дождался, пока она возьмётся за ручку.

— Беги уже, пока я ещё помню, зачем тебя сюда привёз.

Она засмеялась и скрылась внутри. Наружу на несколько секунд вырвались музыка, тёплый воздух и голос преподавателя, отсчитывающего движение, потом стеклянная дверь снова закрылась.

Алекс остался в машине. Мия могла полдороги доказывать, что кофе для восьмилетнего человека почти естественное право, обвинять его в старости, выторговывать маршмеллоу, а потом вернуться через всю парковку ради одного короткого обещания. В детстве такие вещи ещё устроены довольно просто: взрослый либо оказывается там, где сказал, либо нет. Алекс старался не знакомить её раньше времени с огромным количеством уважительных причин, которыми взрослые потом объясняют второй вариант.

Телефон завибрировал в держателе. Приложение студии сообщило, что предыдущая группа задержалась и начало занятия переносится на восемнадцать минут. Новое время окончания уже стояло ниже автоматически. Свободный час превратился почти в полтора.

Следом пришла рабочая карточка. Алекс открыл её машинально. Несколько месяцев назад владелец учётной записи подтвердил удаление, а теперь через старый адрес кто-то попытался восстановить доступ. Автоматика остановила процедуру и ждала решения. Алекс просмотрел даты, убедился, что ничего срочного нет, и закрыл карточку. До завтра профиль прекрасно обойдётся без него.

Такое случалось постоянно. Всё очевидное система разбирала сама; к Алексу попадало то, где два правильных правила внезапно начинали мешать друг другу. Сегодня — удаление и восстановление. Завтра мог оказаться старый номер, спор между родственниками или две разные истории одного аккаунта. В его работе чаще требовалось не найти правильную кнопку, а вовремя не нажать неправильную.

Полтора часа в машине всё равно оставались полтора часами. Алекс вышел, застегнул куртку и открыл карту. Поблизости нашлось несколько кофеен; ближайшая находилась по другую сторону небольшого сквера, минутах в пяти ходьбы. Телефон нарисовал синюю линию по центральной аллее. Алекс посмотрел направление, погасил экран и убрал аппарат в карман.

На дорожках хватало людей, чтобы никто особенно не интересовался остальными. Мужчина шёл навстречу и разговаривал через гарнитуру. Женщина толкала коляску, одновременно листая телефон. Подросток на лавке держал перед лицом тонкий ридер.

Поэтому Алекс сперва заметил книгу. Настоящий тёмный переплёт, толстый блок страниц, светлая перчатка у корешка. Возле ботинка стоял бумажный стакан. Телефона рядом не было.

Только потом он посмотрел на женщину.

Светлые волосы выбились из-под шарфа и касались щеки. Она сидела чуть в стороне от основной дорожки, наклонив книгу к дневному свету, и действительно читала. Не ждала кого-то, не проверяла экран после каждого абзаца, не следила за прохожими. Иногда поднимала стакан, делала глоток и возвращалась к странице.

Бумажные книги, конечно, никуда не исчезли. Их всё ещё покупали, дарили, ставили в два ряда на полках и везли в отпуск, проклиная собственный выбор уже возле стойки регистрации багажа. Но чтение вне дома давно перебралось в телефоны и ридеры. Несколько тысяч книг помещались в устройстве тоньше одного хорошего романа, и спор об удобстве в быту был, в общем, давно проигран. Поэтому переплёт среди экранов всё-таки цеплял взгляд — не как редкость, а как вещь из немного другого ритма.

Женщина перевернула страницу, и Алекс пошёл дальше.

Кофейня занимала первый этаж углового дома: большое окно, светлое дерево, несколько посетителей за ноутбуками и витрина, по ценам которой каждый круассан, похоже, добирался до Ардовска отдельным рейсом. Мужчина перед Алексом долго выбирал между двумя напитками, отличавшимися, судя по меню, главным образом названием и уверенностью маркетолога.

Когда очередь дошла до него, девушка за стойкой подняла глаза. — Что для вас? — Она уже держала палец над экраном заказа.

Алекс снял перчатку и достал телефон. — Большой американо.

Бариста отметила напиток и сразу перешла к дополнениям: обычное, овсяное или миндальное молоко, затем сироп — карамель, ваниль, орех. Алекс приложил телефон к терминалу, дождался подтверждения оплаты и покачал головой.

— Нет, оставим как есть. Пусть кофе сначала попробует справиться самостоятельно. Если провалится, в следующий раз позовём карамель. — Услышав себя, он поморщился. — Ладно, это было плохо. Сделаем вид, что я просто заказал кофе.

Девушка сначала улыбнулась привычной рабочей улыбкой, потом всё-таки рассмеялась. Заказ был готов через несколько минут.

Алекс отошёл к окну, решив больше не развлекать человека, который вскоре будет отвечать за температуру его напитка. Через несколько минут американо оказался у него в руках. Первый глоток обжёг язык настолько справедливо, что дальнейшие претензии к кофейне пришлось отложить.

Обратно к машине дорога всё равно проходила через сквер. Женщина теперь держала книгу закрытой на коленях, а стакан — обеими руками. Алекс прошёл мимо, добрался почти до следующей лавки и остановился. Причина вернуться была предельно простой: ему хотелось

познакомиться. Придумывать что-нибудь более достойное казалось уже глупее самого желания.

Он развернулся. Женщина заметила его заранее и немного сдвинула книгу к сумке, освобождая край скамейки, хотя он ещё ничего не попросил.

— Не помешаю? — Алекс остановился на таком расстоянии, чтобы отказ не требовал от неё никаких объяснений. — Я честно дошёл до следующей лавки и выяснил, что эта всё-таки лучше. Та мокрая, дальше ветер. Теперь хотя бы есть приличная версия, зачем я вернулся.

Женщина посмотрела на скамейку за его спиной, потом на свободные места вокруг.

— Здесь тоже холодно. Просто сухо. Получается, половина требований выполнена.

Он сел на дальний край и поставил кофе возле ботинка.

— Для февраля уже почти премиальный сервис.

Разговор на этом не начался. Женщина снова открыла книгу. Алекс пил кофе, смотрел на проходящих людей и пару раз невольно возвращался взглядом к обложке. Молчание не требовало немедленного спасения, поэтому первой нарушила его она.

— Вы очень стараетесь не прочитать название сбоку, — женщина придержала страницу пальцем и посмотрела поверх переплёта. — Уже несколько раз почти получилось.

Алекс поднял стакан, признавая поражение.

— Значит, маскировка провалилась. Я ещё надеялся выглядеть человеком, которому совершенно всё равно, что читают незнакомые женщины.

Она развернула книгу обложкой к нему. Алекс прочёл название, задержался на фамилии автора, попробовал найти её в памяти и не нашёл.

— Не знаю. Могу сейчас сделать умное лицо и сказать, что где-то слышал, но для первого разговора слишком мелкая ложь.

Книга осталась закрытой на коленях. Женщина смотрела на него уже внимательнее.

— Хорошо. Обычно всё равно отвечают: «Что-то знакомое». Даже когда видно, что название только что впервые прочитали.

Алекс обхватил стакан обеими руками.

— Я много чего не читал. Если изображать эрудицию на каждом пробеле, на нормальную жизнь времени не останется.

Она улыбнулась свободнее и положила ладонь поверх переплёта.

— Я тоже автора раньше не знала. Просто описание понравилось.

Алекс посмотрел на толщину книги.

— И сразу бумажная. Серьёзный кредит доверия незнакомому человеку.

Женщина перевернула книгу корешком вверх, словно впервые оценила её именно по весу.

— Электронных у меня тоже полно. Эту просто захотелось взять такой.

Фраза остановилась раньше мысли. Алекс ничего не добавил. Женщина сама провела большим пальцем по краю страниц.

— Мне нравится видеть, сколько осталось. Потом находишь старую закладку или загнутый угол и уже вообще не помнишь, зачем отмечала. Электронная каждый раз одинаковая. А на бумажной что-то остаётся.

Алекс посмотрел на слегка потёртый угол обложки.

— То есть нравится, что она постепенно перестаёт быть новой вместе с владельцем.

Женщина немного подумала.

— Да. Примерно это я и пыталась сказать.

Алекс устроился на лавке удобнее.

— Тогда мой спор про вес и удобство закончился, не начавшись.

Она повернулась к нему чуть сильнее.

— Вы так легко сдаётесь?

Он не стал хвататься за первую пришедшую остроту. Сделал глоток и посмотрел на аллею.

— Только когда понимаю, что проиграл. В остальных случаях могу отнять у человека удивительно много времени.

Она рассмеялась. Не громко, но уже без прежней осторожности. Книга так и осталась закрытой.

Некоторое время они говорили о самой книге, потом разговор ушёл в сторону. Женщина провела пальцем по крышке стакана, мельком посмотрела на свободные лавки вокруг и вернулась к вопросу, который явно лежал на поверхности уже несколько минут.

— Вы часто так знакомитесь? Проходите мимо, возвращаетесь и начинаете разговор с качества городских скамеек?

Алекс мог сохранить удобную версию в живых. Вместо этого посмотрел на дорожку, по которой недавно вернулся.

— Нет. Я сначала прошёл мимо, сходил за кофе, снова прошёл мимо и метров через двадцать понял, что просто хочу познакомиться. Решил хотя бы самому себе не рассказывать, будто внезапно заинтересовался именно этой лавкой.

Её ладони замерли на стакане. Несколько секунд она молчала, потом поставила кофе рядом с сумкой.

— Так лучше.

Алекс посмотрел через её плечо на мокрую лавку напротив.

— Чем история про городской сервис?

Она проследила за взглядом и усмехнулась.

— Намного. Лавка была обречена с самого начала.

— Жаль. Я почти успел сам поверить.

Улыбка осталась на её лице. До имён добрались несколько минут спустя. Алекс поймал себя на том, что уже довольно долго разговаривает с человеком, которого в голове всё ещё называет женщиной с книгой, и снял правую перчатку.

— Кстати, я Алекс. Раз уж легенда про лавку раскрыта, хотя бы имя можно оставить без выдумки.

Она сняла перчатку в ответ и коротко коснулась его ладони. Пальцы оказались прохладными и сразу вернулись в тепло.

— Анна.

Алекс кивнул.

— Теперь официально. Можно продолжить критиковать тяжёлую литературу уже персонально.

Анна поправила ремень сумки.

— Смело для человека, который только что получил имя и уже рискует его лишиться.

После этого разговор перестал нуждаться в специальных темах. Анна иногда приходила в этот сквер читать именно днём. Дома постоянно обнаруживался мелкий повод отвлечься: сделать ещё кофе, ответить кому-нибудь, отнести чашку на кухню, внезапно решить, что шкаф необходимо разобрать именно сегодня. Через час квартира становилась немного чище, а книга оставалась на прежней странице.

Алекс посмотрел на стакан возле её руки.

— Получается, кофе участвует и в проблеме, и в лечении.

Анна сразу отложила книгу.

— Кофе ни в чём не виноват. Он просто входит в нормальное устройство дня. Если человек вместо чтения второй раз идёт мыть уже чистую чашку, проблема точно не в кофе.

Алекс поднял собственный стакан, признавая решение суда.

— Принимается. Кофе оправдан за отсутствием состава преступления.

Улыбка Анны стала шире.

— Вот теперь можно продолжать знакомство.

Через несколько минут они уже сравнивали кофейни Ардовска. Анна назвала место, где напиток действительно стоил своих денег, и сразу призналась, что сама почти перестала туда ходить из-за очередей. Алекс сообщил, что способен простить средний американо за три минуты и гораздо хуже относится к идеальному, ради которого приходится двадцать минут рассматривать чужие затылки.

— Значит, вы просто нетерпеливый, — Анна задержала стакан возле губ.

Алекс посмотрел на людей у входа в сквер.

— Скорее жадный до собственного времени. Плохой кофе можно допить за пять минут. Потраченные двадцать никто обратно не нальёт.

Она сделала глоток и слегка прищурилась.

— Очень удобная философия.

— У меня вообще много удобных взглядов. Непрактичные плохо приживаются.

От кофе каким-то образом добрались до голосовых сообщений. Анна рассказала о знакомой, способной начать запись словами «я буквально быстро» и спустя девять минут всё ещё не приблизиться к финалу. Теперь она говорила свободнее, иногда помогала себе рукой, когда слов не хватало. Алекс слушал, удерживая стакан на колене, и в какой-то момент понял, что давно уже следит не столько за самой историей, сколько за тем, как она её рассказывает.

Когда Анна закончила, он немного подумал.

— После третьей минуты это уже не сообщение. Это подкаст, на который тебя подписали без согласия. После седьмой человек обязан хотя бы добавить заставку и рекламную интеграцию.

Она рассмеялась громче прежнего. Перчатка почти поднялась к губам, но Анна опустила руку и покачала головой.

Алекс сделал глоток и посмотрел на дорожку. Несколько секунд они просто сидели рядом. Такие паузы постепенно перестали означать конец разговора: Анна иногда открывала книгу и читала несколько строк, Алекс проверял время, после чего телефон снова уходил в карман.

Через какое-то время она сама закрыла страницу и кивнула на часы у него на запястье.

— А вы вообще почему здесь среди рабочего дня? Работа позволяет гулять по скверам или вы очень удачно её прогуливаете?

Алекс достал телефон и впервые действительно удивился времени. Затем открыл уведомление студии и повернул экран к ней.

— Племянницу привёз на балет. Предыдущая группа задержалась, занятие сдвинули почти на двадцать минут. Вместо часа ожидания получил почти полтора.

Анна прочитала новое время окончания и вернула ему телефон.

— Если бы предыдущая группа не задержалась, вы всё равно пошли бы за кофе?

Алекс попробовал вспомнить настроение, с которым недавно сидел в машине.

— Не знаю. Час, скорее всего, спокойно просидел бы там. Полтора уже начали раздражать. Может, потом всё равно вышел бы. Может, нет.

Анна посмотрела на людей у входа в сквер и улыбнулась.

— Значит, балет сегодня оказался полезен не только Мии. Но ей я бы об этом не рассказывала. Судя по всему, ребёнок немедленно потребует процент.

Алекс представил племянницу, совершенно серьёзно рассчитывающую комиссию за удачное знакомство.

— Причём не деньгами. Какао. После каждой встречи тариф будет расти.

К совпадению они больше не возвращались.

Разговор о работе появился позже. К тому времени книга уже лежала в сумке, кофе почти закончился, а Анна сидела повернувшись к Алексу заметно сильнее, чем в начале встречи. Она сняла крышку со стакана, заглянула внутрь и снова закрыла.

— Так чем вы всё-таки занимаетесь? Кроме наблюдения за чужими поисками резинок, балета по доверенности и критики бумажных книг.

Алекс провёл большим пальцем по краю своего стакана.

— Работаю с учётными записями нескольких социальных платформ. Закрытие, восстановление, спорные случаи. Большую часть система делает сама. Мне достаётся то, где ей лучше остановиться и позвать человека.

Анна перестала возиться с крышкой.

— То есть вы можете открыть любой профиль?

Алекс улыбнулся.

— Нет. И чужие переписки тоже не читаю, если следующим вопросом будет именно это.

Она посмотрела на него с лёгким возмущением.

— Я вообще-то про переписки ещё ничего не спросила.

Мимо по узкой дорожке прошла женщина с собакой. Алекс убрал ногу, освобождая место.

— Обычно это второй вопрос.

Анна поставила кофе рядом с собой.

— Тогда теперь из принципа не спрошу. Лучше объясните, что значит «система сама делает».

Алекс решил не начинать лекцию и вспомнил карточку, которую закрыл в машине.

— Сегодня пришёл случай: человек когда-то попросил удалить аккаунт, а теперь через старый адрес кто-то пытается его восстановить. Программа не знает, передумал это тот же владелец или адрес уже достался другому человеку. Поэтому ничего окончательно не делает и отдаёт карточку мне.

— Но сам профиль вы всё-таки видите?

Алекс поискал сравнение.

— Представьте магазин. Все видят витрину и торговый зал. Мне иногда открывают подсобку и показывают бумаги по конкретной проблеме. Это не значит, что я могу ходить по всему зданию и открывать любые шкафы.

Анна немного подумала.

— То есть никаких тайных досье на всех пользователей?

— Очень разочаровывающая работа, — признал Алекс. — Большую часть времени там таблицы.

Она улыбнулась, но тему не отпустила.

— А зачем вообще удалять старые страницы? Если человек десять лет не заходил, кому они мешают?

Алекс поставил почти пустой стакан возле ботинка.

— Сам профиль — почти никому. Но за ним остаются фотографии, старые устройства, совместные данные, права доступа. Плюс человек может просто потребовать удалить своё. Тут вопрос уже не в свободном месте на сервере.

Анна кивнула.

— То есть сервер не лопнет от моей старой страницы.

— Надеюсь. Если лопнет именно из-за вашей, придётся пересматривать всю архитектуру.

Она рассмеялась.

— Пока техническую проверку проходите.

— Отлично. Ещё минут десять, и мне начнут задавать вопросы, на которые действительно придётся отвечать.

Анна провела ногтем по краю переплёта.

— Хорошо. Если я сама нажму «удалить аккаунт», он правда исчезнет?

Алекс на секунду задумался.

— Для других пользователей — да, после завершения процедуры. Внутри какие-то данные могут ещё какое-то время оставаться в резервных копиях или журналах. Но самой страницы уже нет, войти в неё нельзя, остальное постепенно уходит.

Анна посмотрела на книгу у себя на коленях.

— У неё всё-таки честнее. Если книги больше нет, значит её действительно нет.

Алекс открыл рот, уже собираясь возразить чем-нибудь про экземпляр на чужой полке, но передумал.

— Нет. Не буду. Сейчас получилось бы плохо.

Анна удивлённо посмотрела на него, потом рассмеялась.

— Вы даже ничего не сказали. Откуда я должна знать, что было плохо?

— Иногда внутренняя модерация всё-таки успевает сработать до публикации. Редко, но бывает.

Анна покачала головой, всё ещё улыбаясь. Потом положила обе ладони на книгу и на несколько секунд задумалась.

— А если человек умер? Что тогда происходит с его аккаунтом?

Алекс не стал менять тон.

— Зависит от площадки. Где-то родственники могут подтвердить смерть и оставить памятную страницу. Где-то попросить удалить всё полностью. Если никто ничего не сообщает, профиль иногда ещё годами выглядит обычным.

Анна провела пальцем по потёртому углу обложки.

— А сама система не понимает, что человека уже нет?

На дорожке мужчина остановился поправить ребёнку шарф. Алекс посмотрел в ту сторону.

— Может предположить. Но человек, который пять лет не заходил, и человек, который умер пять лет назад, для программы иногда выглядят почти одинаково. Пока кто-нибудь не подтвердит, что произошло.

За деревьями прошёл трамвай, мелькнув прямоугольниками освещённых окон. У перекрёстка коротко просигналили две машины.

Анна немного помолчала.

— И ему продолжают писать с днём рождения.

Алекс вспомнил старую карточку: дочь просила закрыть страницу отца именно потому, что каждую весну там снова появлялись поздравления.

— Да. Иногда семья обращается именно после этого.

Анна опустила глаза на книгу. Через минуту сама сменила тему и спросила, слушает ли Алекс аудиокниги.

Некоторое время спустя он уже совершенно серьёзно доказывал, что роман за рулём — отдельный способ воспринимать текст и всё-таки не совсем то же самое, что чтение глазами. Анна сперва спорила, приводила примеры и ловила его на формулировках, а потом просто перестала отвечать.

Алекс закончил очередной аргумент, не получил сопротивления и повернулся к ней. Анна сидела, сложив руки поверх книги, и спокойно ждала.

— Что?

Она выдержала ещё несколько секунд.

— Ничего. Мне стало интересно, сколько ещё вы будете доказывать то, во что сами не особенно верите.

Алекс рассмеялся и откинулся на спинку лавки.

— Давно заметили?

Анна задумалась, вспоминая разговор.

— Минут пять назад. Сначала думала, что вас действительно волнует разница. Потом стало понятно, что вам просто нравится, когда я спорю.

Алекс поднял ладони.

— Отлично. Я рассчитывал скрывать недостатки хотя бы до второго разговора.

Анна уже собиралась что-то сказать, но остановилась. Взялась за край книги и покачала головой.

— Нет. Лучше ничего не скажу. Вы начнёте этим пользоваться.

— Очень здравое решение.

Телефон завибрировал в кармане. На экране крупными буквами появилось: «ПЕРЕРЫВ. КАКАО ПОМНИШЬ???»

Алекс развернул аппарат к Анне.

— Руководство требует отчёт о выполнении договора.

Она прочитала сообщение.

— Три вопросительных знака. По-моему, это последнее предупреждение перед санкциями.

Алекс набрал: «Помню. Танцуй».

— Сейчас будет ответ о недопустимости командного тона.

Телефон завибрировал почти сразу.

«НЕ КОМАНДУЙ».

Анна рассмеялась.

— Вы её слишком хорошо знаете.

Алекс убрал телефон в карман.

— Это взаимная проблема.

Она переложила книгу с одного колена на другое.

— Вы с ней близки? По сообщениям ощущение, что она с вами вообще без дистанции.

Алекс вытянул затёкшую ногу.

— Это дочь моей сестры. Иногда вожу её сюда, иногда забираю, иногда остаётся у меня. В ванной уже лежит отдельная зубная щётка, хотя ночевала всего пару раз. Думаю, заранее оформляет территорию.

Анна улыбнулась.

— Она вас любит. Даже по сообщению видно.

На этот раз Алекс ответил без шутки.

— И я её.

Анна задержала на нём взгляд, потом провела ладонью по обложке.

— А своих детей нет?

Алекс отрицательно качнул головой.

— Нет. Пока должность дяди вполне устраивает. Условия прекрасные: можно баловать ребёнка, покупать то, что родители считают лишним, слегка портить воспитание, а когда начинаются настоящие сложности — вернуть владельцам.

Анна не сразу рассмеялась.

— Сестра, наверное, в восторге от такого распределения обязанностей.

— Она знает меня всю жизнь. Там давно стадия принятия.

Больше Анна о семье не спрашивала. Разговор опять ушёл к книгам, потом к поездкам, потом куда-то совсем в сторону. Следующее уведомление студии появилось неожиданно: до окончания занятия оставалось чуть больше двадцати минут.

Алекс задержал экран перед глазами. Полтора часа, которые совсем недавно казались лишними, закончились подозрительно быстро.

Анна увидела время, заложила страницу и убрала книгу в сумку.

— Вам уже возвращаться.

Алекс сунул телефон в карман, но вставать не спешил.

— Скоро. Но если Мия выйдет первой, к вечеру история будет звучать так, будто я бросил ребёнка одного посреди города. К концу недели появятся ночь, метель и волки.

Анна подтянула ремень сумки выше на плече.

— Тогда лучше не давать ей материал. Она и без художественных дополнений довольно убедительно ведёт расследования.

На этот раз разговор действительно подошёл к концу. Алекс поднялся, выбросил стакан и сделал несколько шагов в сторону студии. Можно было закончить нормально: приятно познакомиться, возможно, ещё увидимся, до свидания.

Он остановился и вернулся.

Анна уже стояла возле лавки и поправляла шарф. Увидев его, она не стала изображать удивление.

— Анна.

Она просто дождалась продолжения.

Алекс остановился в шаге.

— Вы мне понравились. И мне не хочется надеяться, что Ардовск второй раз случайно посадит нас на одну лавку. Давайте обменяемся номерами.

Анна несколько секунд смотрела на него, затем достала телефон из сумки.

— Вот это мне в вас и понравилось.

Теперь уже Алекс промолчал.

Она разблокировала экран, но аппарат сразу не протянула.

— Вы говорите прямо. Не знаете книгу — говорите, что не знаете. Вернулись познакомиться — так и сказали. Неудачная шутка — не заставляете человека делать вид, что смешно. Это очень… — Анна поморщилась, явно недовольная собственным словом. — Удобно.

Алекс всё-таки улыбнулся.

— Романтический потенциал слова «удобно» человечество явно недооценивает.

Она подняла ладонь.

— Вот сейчас лучше не портить.

— Уже закончил.

Анна протянула телефон.

Обмен номерами занял меньше минуты. В контактах Алекса появилось простое «Анна». Без фамилии, фотографии и истории переписки. Он ничего не стал уточнять. В её телефоне написал своё имя, немного подумал и добавил в скобках: «удаляет людей».

Анна прочитала ещё до того, как он успел вернуть аппарат.

— Вот это точно останется.

Алекс убрал руки в карманы.

— Уже начинаю жалеть, что вообще выбрал такую формулировку.

Анна погасила экран.

— Поздно. Первое впечатление сохранено.

До перекрёстка они пошли вместе. Говорить теперь требовалось меньше: следующий разговор уже существовал хотя бы в виде номера телефона, и последние минуты не нужно было удерживать новыми темами.

На светофоре горел красный. Вода под колёсами машин уходила к бордюру тонкими веерами. Анна поправила сумку и вдруг улыбнулась самой себе.

— Я ведь сегодня вообще собиралась просто почитать.

Алекс сунул руки глубже в карманы.

— А я просто хотел кофе.

Анна повернулась к нему.

— Кофе хоть хороший оказался?

Алекс вспомнил обожжённый язык.

— Нет.

Она рассмеялась.

Он дождался, пока смех стихнет.

— Зато всё остальное получилось заметно лучше.

Анна встретила его взгляд и не сразу посмотрела обратно на дорогу. Зелёный загорелся раньше, чем пауза потребовала от них ещё каких-нибудь слов.

Она вышла на переход, прошла несколько метров и обернулась, придерживая шарф от ветра.

— Алекс, только мой аккаунт до следующего разговора случайно не удалите.

Он остался возле бордюра, пропуская велосипедиста.

— Теперь уже нельзя. Появился личный интерес. Придётся нарушить процедуру.

Анна покачала головой и пошла дальше.

Алекс направился к студии. Один раз всё-таки обернулся.

Анна в этот момент сделала то же самое.

Ни один не стал притворяться, будто смотрел куда-то ещё.

Мия ждала у стеклянных дверей. Волосы после занятия выбились из хвоста, куртка была расстёгнута, спортивная сумка висела на одном плече. По дороге к машине она рассказывала про тренировку: преподаватель заставил повторять одну связку восемь раз, кто-то сбился, кто-то наступил не туда, а из-за одной девочки пришлось начинать сначала. На середине истории поток событий внезапно оборвался.

Несколько шагов Мия шла молча, потом посмотрела на Алекса сбоку. Ещё через несколько метров повторила проверку.

У машины он открыл заднюю дверь и положил сумку на сиденье. Мия внутрь не полезла. Встала рядом и принялась изучать его лицо.

— Ты какой-то довольный. И какао не купил, хотя ходил за кофе. Ты обычно всё берёшь заранее, потому что потом не любишь стоять в очередях. Значит, тебя кто-то отвлёк.

Алекс положил ладонь на крышу машины.

— Иногда мне кажется, что учить тебя думать было стратегической ошибкой.

Мия забралась на сиденье, протянула ремень через плечо и защёлкнула замок.

— Ты с кем-то познакомился.

Отрицать очевидное Алекс не стал. Он дождался, пока ремень ляжет правильно.

— Да.

Простой ответ выбил Мию из подготовленного расследования. Она явно рассчитывала хотя бы на несколько минут сопротивления и теперь перестраивалась на ходу.

— Значит, с женщиной? — она подтянула рукав и сразу добавила, не оставляя ему возможности воспользоваться слишком буквальным ответом: — И она красивая?

Алекс поднял ладонь.

— Да, с женщиной. Да, красивая. И мне понравилось с ней разговаривать. На этом следственная часть заканчивается до какао. После него посмотрим, насколько я вообще расположен сотрудничать.

Мия устроилась глубже в кресле с таким довольным видом, будто получила значительно больше, чем ожидала. Несколько секунд молчала, потом вернулась к действительно важному.

— Среднее с маршмеллоу. Это всё ещё действует.

Алекс закрыл дверь.

— Вот за это я тебя и уважаю. Приоритеты расставлены правильно.

Он обошёл машину и сел за руль. Телефон подключился к мультимедийной системе после запуска двигателя. На экране появились последние уведомления, музыка и карта. Среди новых контактов стояло имя Анны — без фотографии, фамилии и истории переписки. Только номер, который она сама несколько минут назад набрала в его телефон.

Мия уже тянулась к выбору музыки и одновременно объясняла, почему плейлист Алекса давно нуждается в серьёзной чистке. Навигация тем временем предложила путь домой через соседний квартал — на четыре минуты быстрее.

Алекс выехал с парковки и свернул туда, куда легла синяя линия.

Через две улицы Мия снова рассказывала про балет, преподавателя и несправедливые восемь повторов вместо шести. Алекс слушал её, время от времени отвечал и больше не смотрел на экран.

Глава 3. Активный профиль

Мелкий снег почти не задерживался на пальто. Несколько хлопьев растаяли на плечах, пока Алекс дошёл от парковки до стеклянных дверей, остальные он стряхнул уже в тамбуре. К девяти утра вестибюль жил обычным рабочим утром: турникеты коротко пищали под пропусками, лифты открывались и закрывались, люди на ходу допивали кофе, с улицы на подошвах тянули серую снежную кашу. Уборочная машина медленно шла вдоль входа, оставляя за собой влажную полосу.

Эрик сидел за стойкой охраны там же, где Алекс видел его вчера и позавчера и, вероятно, увидел бы в случае конца света, если тот случится в его смену. Тёмный форменный пиджак плохо скрывал широкие плечи, седые волосы были коротко подстрижены, кружка стояла возле клавиатуры строго ручкой вправо. Двадцать лет морской пехоты закончились давно, но привычка одновременно видеть вход, камеры и людей, похоже, никуда не делась. В сырую погоду Эрик прихрамывал сильнее обычного; обсуждать это с ним никто не пытался.

Алекс приложил карточку к считывателю. Створки разошлись, но вместо того, чтобы пройти, он задержался возле стойки.

— Доброе утро. Рад видеть, что отдел безопасности снова встречает сотрудников теплом и искренней человеческой улыбкой.

Эрик дописал что-то в журнале, закрыл ручку колпачком и только потом поднял глаза.

— Ты будешь проходить или тебя познакомить с электрошокером?

Позади открылась дверь. Алекс отступил в сторону, пропуская мужчину и женщину из юридического отдела. Эрик проверил их карточки и снова повернулся к мониторам.

— А говорят, у тебя совсем нет чувства юмора, — заметил Алекс.

Эрик посмотрел на фургон, остановившийся у служебного въезда.

— Это не юмор.

Алекс задержался ещё на секунду, оценивая выражение его лица.

— Тогда знакомство с электрошокером перенесём. Мне сегодня ещё работать.

Эрик молча указал взглядом на открытый турникет. Алекс решил, что это достаточно вежливое прощание, и пошёл к лифтам.

На двенадцатом этаже пахло кофе, тёплым воздухом вентиляции и мокрой одеждой. У принтера мужчина из соседней группы вытаскивал застрявший лист, где-то дальше уже шёл первый созвон, а из кухни доносилось тяжёлое урчание кофемашины, которая промывала себя с серьёзностью промышленной установки.

Макс сидел за столом и ел бутерброд.

До девяти оставалось десять минут.

Алекс снял пальто и посмотрел на конструкцию в его руках: хлеб, ветчина, сыр, ещё сыр и один лист салата, оказавшийся внутри, видимо, для юридического права называться завтраком.

— Ты сегодня подозрительно рано. Из дома выгнали или сам догадался?

Макс не стал отвечать с набитым ртом. Дожевал, вытер пальцы салфеткой, посмотрел на очередное сообщение в телефоне и положил аппарат экраном вниз.

— В шесть двадцать младший решил, что в сад пойдёт только в зелёных носках. Зелёных носков у него никогда не было. В семь старшая вспомнила, что сегодня нужно принести поделку. В семь десять поделку уже делал я, жена искала второй ботинок, а младший передумал насчёт носков и захотел футболку с динозавром. Поэтому я не пришёл на работу раньше. Я пришёл отдыхать.

Компьютер Алекса запросил подтверждение входа. Пока он разблокировал рабочее пространство, телефон Макса снова загорелся. На экране появилась фотография картонного дерева с криво приклеенной синей птицей.

— Некоторые ради отдыха покупают билет к морю, — сказал Алекс. — Тебе достаточно корпоративной почты.

Макс посмотрел на фотографию и всё-таки улыбнулся.

— Здесь хотя бы никто не плачет из-за носков. Не обесценивай.

С соседнего ряда раздался негромкий удар. Тео уронил ручку, нагнулся за ней и, выпрямившись, слишком поспешно свернул внутренний мессенджер. Этого хватило, чтобы Алекс успел заметить имя в верхней строке.

Лия Арден.

Тео уже смотрел в редактор кода с лицом человека, который последние полчаса занимался исключительно работой. С кодом подобная уверенность ему подходила: незнакомый модуль он разбирал быстрее большинства сотрудников, замечал связи между системами и обычно находил ошибку раньше, чем остальные успевали договориться, кто будет её искать.

С людьми всё происходило заметно медленнее.

Алекс поднялся за кофе и по пути остановился возле его стола.

— Ты собираешься когда-нибудь пригласить Лию куда-нибудь сам или ждёшь, пока это сделает Даниэль?

Тео сохранил файл и только потом снял один наушник.

— Она с Даниэлем никуда не пойдёт.

В технических вопросах такой тон означал бы, что решение уже проверено и можно запускать в производство. Здесь доказательств явно не хватало.

Макс как раз проходил мимо с пустой кружкой.

— Прекрасно. Осталась мелочь: сообщить об этом самой Лии и уточнить, согласна ли она с результатами исследования.

Тео перевёл взгляд с одного на другого.

— Вам двоим заняться нечем?

Алекс уже пошёл к кухне.

— Есть. Но рабочая очередь пока развивается менее драматично.

— У меня вообще нет личной жизни, — бросил Тео им вслед.

Макс оглянулся через плечо.

— Вот именно это нас и беспокоит.

Кофемашина закончила промывку как раз к тому моменту, когда дверь отдела открылась. Нора вошла быстро, с ноутбуком в одной руке и телефоном в другой. Пальто было расстёгнуто, волосы собраны чуть небрежнее обычного. Она остановилась возле сотрудника первой линии и посмотрела на его монитор.

— Отчёт по ночным блокировкам нужен до десяти тридцати. Если данных нет, так и пишите. Пустая ячейка не становится информацией только потому, что находится внутри таблицы.

Мужчина кивнул. Нора уже шла дальше.

Алекс забрал кофе и успел вернуться к столу до того, как дверь её кабинета закрылась чуть сильнее обычного.

Макс появился через минуту.

— Сегодня я бы не спорил с ней по срокам.

Алекс открыл ночную очередь.

— Что случилось?

Макс сначала посмотрел на матовое стекло кабинета.

— Вчера подала на развод. Мужа застала с другой женщиной. Причём, насколько я понял, с её подругой.

Алекс машинально посмотрел на дверь кабинета. Ещё неделю назад на правой руке Норы было кольцо.

— Откуда ты вообще всё это знаешь?

Макс придвинул к себе клавиатуру.

— У меня жена. У жены есть знакомые. У знакомых есть другие знакомые. Не недооценивай технологии, которые существовали ещё до электричества.

— Надеюсь, безопасность не узнает. Закроют половину наших систем за ненадобностью.

Первый час прошёл достаточно обычно, чтобы не оставить после себя ничего, кроме закрытых карточек. Кто-то потерял доступ после смены номера. Два человека одновременно доказывали, что старая учётная запись принадлежит именно им. Профиль небольшой компании всё ещё числился за сотрудником, уволившимся три года назад. Один пользователь потребовал удалить всё, а через сорок минут отправил заявку на восстановление, не дождавшись даже срока отмены собственного решения.

В десять пятнадцать Нора вышла из кабинета. Волосы она уже поправила, утренняя резкость стала почти незаметной, хотя двигалась всё ещё чуть быстрее обычного.

— Через пятнадцать минут короткий сбор. Только то, что действительно кого-то блокирует. Биографию каждой заявки не рассказываем и не пытаемся доказать, что проблема исчезает, если принадлежит другому отделу.

Макс поднял руку, не отрывая глаз от монитора.

— Погоду тоже нельзя?

Нора медленно повернула голову.

Макс выдержал её взгляд.

— Вопрос снят.

Что-то едва заметно дрогнуло в её лице, но улыбкой так и не стало. Она остановилась у стола Тео.

— После ночного обновления бухгалтерская выгрузка снова путает день и месяц. Посмотри до сбора. Если проблема опять в старом преобразовании дат, сегодня начну увольнять не людей, а библиотеки.

Тео уже открывал нужное окно.

— Найду.

Нора вернулась в кабинет.

Макс дождался, пока дверь закроется.

— Видишь, почему я не развожусь? Мне жить нравится.

Алекс уже собирался ответить, когда новая карточка в рабочей очереди сама поднялась выше остальных.

Окончательное удаление после подтверждённой смерти владельца.

Такие обращения не были редкостью. Алекс открыл карточку.

Эмиль Тарен.

Смерть подтверждена восемь месяцев назад. Сначала семья попросила оставить памятную страницу, позже дочь подала документы на полное удаление. Проверки закончились, обязательный срок прошёл, публичная страница уже исчезла.

Оставалось закончить внутреннюю очистку.

Возле операции горела жёлтая отметка: «Удаление приостановлено. Обнаружена активная связь».

Алекс открыл историю. Сначала удалению мешала старая привязка автомобиля. Потом семейный архив. Затем транспортная подписка. Теперь — музыкальная библиотека.

Последний вход Эмиля произошёл за четыре дня до смерти. После этого от его имени никто ничего не делал. Просто за пятнадцать лет человек успел связать между собой столько сервисов, что система находила их один за другим.

Телефон рядом с клавиатурой завибрировал.

Анна.

«Надеюсь, сегодня кофе уже не такой опасный».

Алекс невольно улыбнулся. Вчерашний ожог языка, похоже, успел стать частью общей истории.

«Сегодня корпоративный. Здесь опасность другого рода».

Три точки ответа появились почти сразу, но в этот момент Нора вышла из кабинета и позвала всех к экрану переговорной. Алекс убрал телефон.

Лия шла через общий зал с планшетом. Тёмные брюки, серый свитер, волосы собраны наспех. Увидев Тео, она сразу направилась к его столу.

Макс заметил первым. Ничего не сказал — просто отъехал на кресле чуть дальше и внезапно проявил огромный интерес к почте.

Лия положила планшет возле клавиатуры.

— Нашла место, где всё начинает ехать, но не понимаю почему. До этой строки даты нормальные, потом день и месяц меняются местами. Если сегодня не исправим, половину возвратов придётся проверять руками.

Рядом с рабочей задачей прежняя неловкость Тео исчезла. Он придвинул планшет, открыл файл, сравнил несколько строк и через пару минут показал пальцем на два почти одинаковых преобразования.

— Здесь дата меняется дважды. Первый раз правильно, второй разворачивает обратно. Исправлю и прогоню выгрузку. Минут двадцать.

Лия посмотрела на строки и кивнула.

— Тогда я должна тебе кофе. Мы бы сами до вечера искали.

Тео слишком быстро отодвинул руки от клавиатуры.

— Не должна. То есть кофе можно. Просто не потому, что должна.

Лия задержалась рядом ровно настолько, чтобы дать ему возможность самому услышать собственную фразу.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Тогда просто кофе.

Она забрала планшет и пошла обратно.

Тео смотрел Лии вслед до двери бухгалтерии и только потом вспомнил, что в отделе существуют другие люди. Макс всё ещё изучал письмо, Алекс пил кофе, но оба слишком демонстративно не смотрели в его сторону. — Даже не начинайте, — предупредил Тео.

Макс молча поднял кружку, как будто предъявлял доказательство собственной невиновности. Это сработало хуже любой реплики: Тео качнул головой и вернулся к монитору, а Алекс уже снова был в карточке Эмиля.

— Исправь даты. Остальное обсудим, когда появится материал.

Тео пробормотал что-то себе под нос, надел наушники и отвернулся к монитору.

Короткий сбор действительно оказался коротким. Когда очередь дошла до Алекса, он вывел карточку Эмиля на общий экран, скрыв личные сведения.

— Умерший пользователь. Семья просит полное удаление. Публичной страницы уже нет, но процедура несколько раз останавливалась из-за старых связей с другими сервисами. Сейчас всплыла ещё одна.

Нора перестала писать.

— Семейные данные можем задеть?

— Есть общие альбомы и покупки. Поэтому вручную ничего не закрывал.

Она посмотрела на Тео.

Тот сразу понял, что требуется.

— Соберу оставшиеся связи одним списком. Без отдельного проекта. Сервис, тип данных, что можно закрыть, что нужно оставить семье.

Нора кивнула.

— Пока не увидите всё целиком, ничего не удаляем.

История Эмиля заняла меньше двух минут.

К обеду Тео принёс простую таблицу. Общие фотографии, семейная медиатека, старый водительский профиль, несколько покупок, архив поездок. Никакой загадки. Просто пятнадцать лет жизни, которые после смерти владельца не исчезли вместе с ним и теперь понемногу разбирались по разным системам.

Большую часть можно было закрыть автоматически. Две позиции ещё ждали передачи семейных прав.

Алекс оставил их в работе и пошёл обедать.

В столовой Макс уже сидел возле окна и разговаривал по видеосвязи. На экране мелькало детское лицо, потом потолок, потом снова лицо. Алекс взял еду и сел напротив как раз к окончанию разговора.

Макс положил телефон рядом с подносом.

— Старшая утверждает, что я обещал забрать её сегодня. Я такого разговора не помню.

Алекс разломил хлеб.

— Ты женат и у тебя двое детей. Твоя версия событий давно не является основной.

Макс некоторое время обдумывал это, затем кивнул.

— Справедливо.

Он попробовал суп, поморщился и отложил ложку.

— Что там с твоим покойником?

Женщина за соседним столом повернула голову.

Алекс посмотрел на Макса.

— Не называй его так в столовой.

Макс тоже заметил чужую реакцию.

— Хорошо. Что там с человеком, которого официально уже нет, но который продолжает портить тебе рабочий день?

— Ничего особенного. Слишком много старых связей. К вечеру должны закончить.

Макс покрутил вилку в пальцах.

— Забавно. Пока живёшь, кажется, что после тебя останутся фотографии и несколько сообщений. Потом выясняется, что тебя ещё и машина помнит.

Он сразу вернулся к еде. Алекс ничего не ответил, но фраза почему-то задержалась в памяти.

После обеда день снова распался на обычные мелочи. Нора несколько раз прошла через отдел. У принтера закончилась бумага, и мужчина из соседней группы воспринял это почти лично. Тео исправил даты и получил короткое сообщение от Лии, которое читал заметно дольше, чем требовали три строки.

Ближе к трём последние семейные связи Эмиля закрылись.

Алекс повторил проверку. Жёлтых отметок больше не было. Кнопка окончательного удаления стала активной.

Он проверил документы ещё раз и запустил процедуру.

На экране сменились несколько строк: публичный профиль — закрыт; доступы — отозваны; семейные данные — сохранены; активные связи — не найдены.

Статус стал зелёным: «Удаление поставлено в очередь».

Алекс закрыл карточку и перешёл к следующей заявке.

Через полчаса со стороны бухгалтерии появилась Лия с двумя стаканами кофе. Макс увидел её одновременно с Тео и на этот раз проявил неожиданное благородство: отвернулся к монитору.

Лия поставила один стакан возле клавиатуры программиста.

— Выгрузка нормальная. Так что это за спасённый день. Но сразу предупреждаю: не долг.

Тео посмотрел сначала на стакан, потом на неё. Ответ явно прошёл внутреннюю проверку прежде, чем вышел наружу.

— Тогда следующий куплю я. После работы. Если ты сегодня свободна.

Лия отпила из своего стакана и посмотрела на часы.

— После шести свободна.

Она ушла так спокойно, словно ничего особенно важного не произошло.

Тео дождался, пока дверь бухгалтерии закроется, и медленно повернулся к соседним столам. Макс печатал, Алекс перелистывал заявку, оба с таким старанием изображали занятость, что предупреждение стало неизбежным. — Ни слова.

Макс поднял руки над клавиатурой и тут же вернул их на место, не произнеся ни звука. Алекс выдержал паузу дольше него. — Я вообще не понимаю, почему ты смотришь на меня. Ты справился сам. Мы гордимся. — Макс всё-таки рассмеялся, а Тео вернулся к работе.

Тео покачал головой, но довольное выражение скрыть уже не смог.

К половине пятого Макс начал собираться. За последние десять минут телефон прислал ему несколько сообщений и фотографию дочери возле школы. Он убрал зарядку в рюкзак, забрал контейнер из холодильника и уже в куртке остановился возле Алекса.

— Всё. Моя смена отдыха закончилась. Если завтра появлюсь раньше восьми, значит дома случилось что-то серьёзное.

Алекс продолжал смотреть в монитор.

— Например, снова потеряли зелёные носки?

Макс мгновенно посерьёзнел.

— Не шути такими вещами.

Он ушёл.

Офис постепенно пустел. Разговоры становились тише, двери лифта открывались всё чаще. За окнами серый день растворялся в раннем зимнем вечере, на мокром проспекте одна за другой зажигались фары.

Нора вышла из кабинета без ноутбука и телефона. Впервые за весь день руки были пустыми. Несколько секунд она просто стояла возле окна, глядя вниз.

Алекс проходил мимо с планшетом, когда она сама его окликнула.

— По Тарену закончили?

Он развернул экран.

— Всё чисто. Удаление в очереди.

Нора прочитала зелёный статус.

— Завтра всё равно проверь. Я не доверяю операциям, которые четыре раза подряд находят новую причину подождать.

— Проверю.

Она вернула планшет. На безымянном пальце осталась светлая полоска от кольца.

Алекс заметил её случайно.

Нора поймала его взгляд почти одновременно. Он сразу посмотрел обратно на экран. Она ничего не сказала и через несколько секунд ушла в кабинет.

В 17:26 рядом с карточкой Эмиля Тарена снова появилась жёлтая точка.

Алекс сначала решил, что не закрыл старое уведомление. Открыл карточку.

«Удаление приостановлено. Обнаружена новая связь».

Он перечитал строку и посмотрел на время.

До конца рабочего дня оставалось меньше часа.

— Тео.

Программист закончил строку, сохранил файл и только потом подъехал на кресле.

— Только не говори, что опять этот профиль.

Алекс развернул монитор.

Тео прочитал сообщение, и остатки хорошего настроения с лица исчезли.

— Откуда связь?

Они открыли подробности.

На этот раз не было ни старого сервиса, ни забытой подписки. Другой пользователь двенадцать минут назад загрузил фотографию. Система распознала людей на снимке и одного из них сопоставила с Эмилем Тареном. Пока внутренний профиль ещё существовал в очереди на удаление, новая фотография снова связалась с ним.

Алекс открыл изображение.

Лето. Вода. Несколько человек возле берега. Солнце пересветило край кадра. Эмиль стоял сбоку — намного моложе, чем на фотографии в документах. Сам снимок сделали больше десяти лет назад, загрузили сегодня. Алекс задержался на чужом отпуске чуть дольше, чем требовалось для проверки.

— Получается, мы всё закрыли, а кто-то достал старую фотографию и он снова появился в карточке?

Тео проверил время последней очистки.

— Потому что удаление ещё не закончилось. Когда профиль исчезнет окончательно, фотография останется у того, кто её загрузил, но к Эмилю уже не привяжется.

Алекс увеличил изображение.

— Система сама его узнала.

Тео пожал плечом.

— Для этого распознавание и существует.

Он уже собирался отъехать к своему столу, но Алекс остановил его.

— Тогда почему удаление опять встало? Фотография ведь не принадлежит Эмилю.

Тео вернулся к экрану и открыл детали процесса.

— Потому что связь появилась после нашей последней проверки. Процедура не может удалить идентификатор, пока не разберётся, что делать с новым объектом. Отвяжет фотографию и продолжит.

Алекс ещё раз посмотрел на две строки: одна система готовилась стереть последние остатки профиля, другая только что совершенно исправно узнала человека на старом снимке. — Один процесс его удаляет. Другой снова находит.

Тео задержался возле монитора и раскрыл детали обоих событий. — Здесь нет противоречия для самих сервисов. Один выполняет запрос семьи, второй распознал лицо, которое уже знает; смерть владельца к его задаче вообще не относится. По отдельности оба делают ровно то, для чего их написали. — В соседнем ряду кто-то захлопнул ноутбук, из коридора донёсся сигнал лифта, и Алекс ещё некоторое время смотрел на экран, прежде чем отпустить Тео к его столу.

Алекс ещё несколько секунд смотрел на фотографию Эмиля. Ничего невозможного не произошло. Наоборот, каждая часть системы отработала совершенно нормально.

Телефон возле клавиатуры завибрировал.

Анна.

«Я завтра буду недалеко от того сквера. И знаю кофейню получше».

Алекс прочитал сообщение, потом посмотрел на открытую рядом карточку.

«Это приглашение или техническая рекомендация?»

Ответ пришёл не сразу. Нора вышла из кабинета уже в пальто и попрощалась с оставшимися. Тео за последние несколько минут проверил часы столько раз, что скрывать причину уже не имело смысла.

Телефон снова завибрировал.

«Условия для правильного решения».

Алекс усмехнулся экрану и положил телефон лицом вниз. Тео заметил это движение, но вместо обычного вопроса задержал взгляд на нём чуть дольше. — Завтра кофе, — пояснил Алекс. — А тебе через двадцать минут самому идти на кофе, так что сосредоточься на собственной катастрофе.

Тео впервые за вечер улыбнулся без неловкости и вернулся к монитору. По выражению лица было понятно, что вывод насчёт девушки он уже сделал и подтверждение ему не требуется.

К шести новая связь Эмиля исчезла из списка блокирующих. Фотография осталась в альбоме человека, который её загрузил, но больше не удерживала удаляемый профиль. Карточка снова стала серой: «Ожидает завершения».

Алекс закрыл рабочие окна и надел пальто. Когда проходил мимо места Тео, кресло уже пустовало. Стакан от Лии исчез вместе с ним.

Внизу Эрик по-прежнему сидел за стойкой. Утренний журнал сменился вечерним, кружка теперь стояла с другой стороны клавиатуры.

Алекс приложил пропуск к турникету. Эрик проводил взглядом поток с камер и, не отвлекаясь от мониторов, пожелал хорошего вечера с просьбой никого сегодня не пугать. Алекс уже прошёл на другую сторону, но всё-таки обернулся. — Вот именно из-за того, что ты считаешь себя безобидным, я и переживаю. — Эрик посмотрел на него поверх экранов, и этого хватило, чтобы Алекс счёл разговор оконченным.

На улице всё ещё шёл мелкий снег. Он таял на мокром асфальте почти сразу. Автомобили медленно двигались вдоль проспекта, у перекрёстка остановился трамвай, люди перед переходом почти одновременно увидели зелёный сигнал и шагнули с тротуара.

Телефон сообщил, что авария на кольцевой добавила к поездке домой семь минут.

Навигация сразу предложила другой путь.

Алекс посмотрел на синюю линию.

До метро было восемь минут пешком.

Он убрал телефон в карман и пошёл туда.

Через несколько минут мысли уже переключились на завтрашний кофе.

На двенадцатом этаже ночная очередь продолжала работу без него.

Глава 4. Раньше желания

Бар был полупустым, и именно таким нравился Леону больше всего. По пятницам после девяти свободные стулья исчезали, разговоры начинали перекрывать музыку, а человек у стойки дважды повторял заказ только потому, что сам не слышал собственного голоса. Сейчас помещение жило спокойнее. Из спрятанных под потолком колонок негромко шла музыка восьмидесятых — мягкие синтезаторы, ровные ударные, мужской голос, которому не требовалось бороться за внимание. У дальней стены двое мужчин играли в бильярд. Один долго ходил вокруг стола, примеряясь к удару, потом наклонился над зелёным сукном и плавно отвёл кий. Белый шар прошёл вдоль борта, зацепил красный и остановился в нескольких сантиметрах от лузы. Второй игрок посмотрел на результат, ничего не сказал, взял с края стола синий кубик и принялся натирать мелом наклейку на кончике кия, медленно поворачивая древко между пальцами. На большом пальце осталась светлая пыль.

За высокими окнами Ардовск уходил в вечер. Мокрый после дневной оттепели асфальт растягивал свет фар в длинные полосы, на остановке напротив каждые несколько минут появлялся трамвай и на короткое время заливал стекло белым светом. Редкий февральский снег долетал до земли тяжёлым, почти мокрым, и исчезал сразу после падения. Внутри пахло кофе, старым деревом стойки и апельсиновой кожурой. Леон стоял под тёплой лампой возле полок и натирал стаканы. Волосы у него давно поседели, рукава тёмной рубашки были закатаны до локтей, а движения за годы работы стали настолько привычными, что почти не требовали внимания: бокал проходил через полотенце, поднимался к свету, медленно поворачивался перед глазами и только после этого отправлялся на полку.

Марк сидел почти посередине стойки. Перед ним стоял низкий стакан виски с одним крупным кубиком льда, а в телефоне уже минут двадцать менялись фотографии кресел. Чёрное с сетчатой спинкой. Серое с подголовником. Ещё одно с таким количеством рычагов под сиденьем, будто производитель рассчитывал продавать его вместе с инструкцией по взлёту. Марк открыл очередной отзыв, прочитал длинную жалобу на слишком жёсткую поддержку поясницы, вернулся к характеристикам и снова открыл фотографию сбоку, которую уже видел несколько минут назад.

Леон успел закончить два бокала. На третьем движение полотенца замедлилось. Он посмотрел на знакомое кресло на экране, потом на Марка, который опять прокручивал те же характеристики.

— Ты его который вечер выбираешь? Третий?

Марк провёл пальцем по фотографии. На рекламном снимке мужчина в идеально выглаженной белой рубашке сидел с такой прямой спиной, будто кресло не поддерживало позвоночник, а следило за дисциплиной. Он ещё раз посмотрел цену, вернулся к регулировке подлокотников и только потом поднял глаза.

— Четвёртый. И я уже начинаю подозревать, что производители специально придумали столько рычагов, чтобы человек устал выбирать раньше, чем добрался до кнопки покупки.

Леон вынул полотенце, поднёс бокал к лампе и нашёл возле края едва заметный след. Стекло вернулось в его руки ещё на несколько движений.

— За четыре вечера можно было купить плохое, посидеть на нём, возненавидеть производителя, вернуть и уже заказать нормальное. Ты превращаешь мебель в жизненное решение.

Марк заблокировал телефон. Чёрный экран сразу поймал отражение ламп над стойкой. Он взял виски, сделал небольшой глоток и несколько секунд смотрел на тающий лёд.

— Я по семь часов в день сижу напротив людей, которые двадцать лет делают одно и то же, прекрасно понимают последствия, а потом приходят обсудить, почему опять получилось

именно так. Хотелось бы хотя бы к шестому человеку не начинать ненавидеть собственную поясницу.

Стакан наконец устроил Леона. Он поставил его на полку, выровнял ножку по краю и потянулся за следующим.

— Купи кушетку себе. Пациентам оставь обычные стулья. Если разговор затянется, первым ложишься ты. По-моему, честная организация труда.

Марк хотел ответить сразу, но задержался, всё ещё держа стакан в руке. Предложение было достаточно нелепым, чтобы в нём обнаружилась неприятная практичность.

— Именно поэтому я психолог, а ты наливаешь людям алкоголь.

Леон даже не поднял головы. Полотенце исчезло внутри нового бокала и показалось с другой стороны.

— Я хотя бы не делаю вид, что мой способ решать проблемы полезен для печени.

Через два свободных места негромко рассмеялась женщина. До этого она почти не участвовала в происходящем: несколько раз отвечала на сообщения, смотрела в окно, медленно пила тоник со льдом. Ей было немного за сорок. Тёмные волосы собраны на затылке, короткая зимняя куртка висела на соседнем стуле, рядом с перчатками лежали телефон и связка ключей. Пластиковый брелок таксомоторного сервиса истёрся настолько, что часть надписи уже не читалась. Она убрала телефон в сумку, немного повернулась к Марку и задержала взгляд на лежавшем перед ним аппарате.

— Вы действительно психолог или это просто удобное объяснение для человека, который четвёртый вечер не может купить кресло?

Марк поставил виски на салфетку. После вопроса о профессии люди часто переходили к мужьям, детям, начальникам и родственникам, которым, по их мнению, срочно требовалась помощь. В её голосе ничего подобного пока не было.

— Действительно. Когнитивный психолог. Раньше занимался исследованиями восприятия и принятия решений, сейчас в основном веду частную практику. Как видите, знание человеческого поведения почти бесполезно, когда перед тобой двенадцать одинаковых кресел и каждое обещает изменить жизнь.

Женщина улыбнулась, поставила стакан и протянула ладонь через свободное место.

— Нина. С мебелью у меня проще. Три вечера выбираю, потом говорю себе: «Посмотрю завтра» — и возвращаюсь к вопросу через полгода.

Марк тоже протянул руку. Ладонь у неё оказалась холодной, будто она недавно только вошла с улицы.

— Марк. И, судя по твоему методу, я пока ещё на опасной стадии, когда покупка действительно может состояться.

Нина отпустила его руку и уже собиралась потянуться к тонику, когда Леон поставил перед ней чистый стакан воды и забрал пустую тарелку с орехами раньше, чем она успела её отодвинуть. Она проводила тарелку взглядом, затем посмотрела на воду.

— Я не просила.

Леон вытер салфеткой влажное кольцо от прежнего стакана, сложил её пополам и только после этого вернулся к полкам.

— Через минуту попросишь. После второго тоника всегда переходишь на воду, потом ещё полчаса сидишь и рассказываешь, что сегодня точно уедешь домой раньше.

Нина всё-таки взяла стакан, сделала несколько глотков и повернулась к Марку с выражением человека, которому только что продемонстрировали слегка раздражающую точность чужой памяти.

— Вот поэтому я сюда и хожу. Можно ничего не говорить, а он уже решил, что тебе нужно.

Леон поднял очередной бокал к свету и медленно провернул его за ножку.

— Если семь лет видеть человека два раза в неделю, рано или поздно запоминаешь даже то, чего не хотел знать.

Марк перевёл взгляд на ключи возле её руки. Брелок выглядел старше нескольких поколений приложений, которыми сейчас пользовались водители.

— Семь лет сюда, а за рулём, судя по ключам, ещё дольше?

Нина прокрутила металлическое кольцо вокруг пальца, потом положила связку обратно. За окном трамвай закрыл двери и медленно тронулся от остановки.

— Двенадцать. Сначала думала, пару лет поработаю, пока не найду что-нибудь нормальное. Потом выяснилось, что нормальное — это когда тебе подходит, а не когда красиво звучит на чужой визитке. Так и осталась.

У бильярдного стола наконец упал первый шар. Второй игрок постучал основанием кия по полу, признавая хороший удар, и отступил к стене. Марк проводил движение шара взглядом, потом снова повернулся к Нине.

— За двенадцать лет город, наверное, вообще перестаёт быть картой.

Она не ответила сразу. Сделала ещё глоток воды, сдвинула ключи подальше от локтя и некоторое время смотрела на отражения машин за стеклом.

— Названия улиц помнишь хуже, чем их характер. Знаешь, где после пяти не стоит лезть в левый ряд, какой светофор держит вечность, где можно срезать, а во дворе какого дома потом полчаса будешь объяснять жильцам, что не собиралась парковаться у подъезда. Город со временем запоминается привычками. Наверное, как человек.

Марк коснулся пальцем погашенного экрана телефона, но включать его не стал.

— Тогда зачем вообще навигатор?

Нина подтянула воду ближе. Вопрос был очевидным, поэтому она не торопилась, будто хотела отделить привычный ответ от точного.

— Потому что я знаю улицы, но не знаю, где пять минут назад столкнулись две машины. Не знаю, какой съезд внезапно закрыли или где встал трамвай. Плюс пассажиры сейчас сами следят за маршрутом. Один мужчина недавно всю дорогу сидел сзади и смотрел на мой экран так, будто я собиралась отвезти его не домой, а через границу. Иногда приложение действительно знает больше меня. Я с этим давно не спорю.

Леон поставил бокал на полку, взял небольшой стакан с толстым дном и, прежде чем начать его протирать, посмотрел на неё.

— А потом всё равно едешь по-своему.

Нина повернулась к нему. Раздражения в лице не было, скорее привычное желание поправить человека, который намеренно упростил историю.

— Когда знаю, что права. На прошлой неделе пассажир спросил, почему я свернула с синей линии. Там через две улицы ремонт, которого приложение ещё не показывало. Через пять минут маршрут обновился и проложил ровно так, как ехала я. После этого мужчина почему-то перестал проверять каждое моё движение.

Марк усмехнулся, но по выражению Нины понял, что история не закончилась. Она провела пальцем по холодному стеклу и продолжила уже чуть медленнее.

— Только иногда бывает наоборот. Я точно знаю, что мой путь быстрее. Проверяю аварии, перекрытия, пробки — ничего особенного. А приложение всё равно ведёт в другую сторону. Причём не просто предлагает один раз. Вот это меня и цепляет.

Леон замедлил движение полотенца внутри стакана.

— Может, видит то, чего ты не видишь. Там не только текущая пробка считается.

Нина кивнула, спокойно принимая объяснение.

— Конечно. Поэтому я не спорю с ним из принципа. В прошлый четверг забрала мужчину возле Сайрского проспекта. Ему нужно было на север, за старый мост. Этот участок могу

ночью проехать почти не глядя. Навигатор сразу построил через набережную. Дольше минут на семь.

Она подняла ладонь над стойкой и провела ею короткую линию, будто снова видела перед собой перекрёстки. Марк взял стакан, но до губ не донёс.

— Я сначала решила, что на мосту авария. Проверила — ничего. Поехала своим путём. Через два перекрёстка приложение перестроилось, как и должно. Потом ещё пара улиц — снова предлагает съехать к набережной, только уже с другой стороны. Я опять ухожу к мосту. Через несколько минут оно считает заново и третий раз приводит меня к тому же варианту. На мосту в итоге свободно. Пассажира высадила на восемь минут раньше расчётного времени.

Леон закончил со стаканом, поставил его к остальным и ненадолго опёрся ладонями о край стойки.

— Прогноз мог измениться по дороге. Или информация пришла с задержкой.

Нина обхватила воду обеими руками и несколько секунд смотрела на лёд внутри.

— Мог. Я поэтому и не говорю, что приложение сломалось. Если бы это случалось каждый день, давно поставила бы другое и забыла. Такое бывает редко. Раз в неделю, иногда два. И каждый раз странной кажется не ошибка.

Она ненадолго замолчала. За спиной снова столкнулись бильярдные шары, музыка сменилась новой композицией. Нина посмотрела на собственный телефон, лежавший экраном вниз.

— Раньше мне казалось, что навигатор показывает дорогу. Теперь иногда такое чувство, будто уговаривает.

Марк перестал вертеть стакан. Слово было слишком человеческим для программы, но именно поэтому оказалось точнее сухого «повторно рекомендует».

— После отказа он часто возвращает именно к тому же варианту?

Нина не стала отвечать сразу. Взгляд ушёл к окну, пальцы несколько раз прошлись по холодному картону под стаканом.

— Если ты про одну и ту же улицу — нет. Иногда набережная, иногда кольцевая, иногда обычный объезд. Общего места я не вижу. Повторяется само поведение: отказалась, он перестроился, прошло немного времени — и снова подводит к тому же решению другим способом.

Леон положил полотенце на плечо и впервые за долгое время перестал делать что-либо руками.

— Я правильно понимаю, что вы уже всерьёз обсуждаете навигатор, который не умеет принимать отказ?

Нина повернулась к нему. Улыбка появилась раньше возражения.

— Я не сказала, что он обиделся.

Леон достал новую пачку салфеток, вскрыл упаковку и начал перекладывать их в металлический держатель.

— Пока. Но я достаточно долго стою за этой стойкой, чтобы понимать направление разговора. Ещё двадцать минут — и выяснится, что телефон слушает тебя специально.

Марк тихо рассмеялся, потянулся к своему аппарату и разблокировал экран. Магазин вернул его ровно туда, где он остановился: под выбранной моделью стоял длинный ряд похожих кресел.

— Для этого ему даже необязательно слушать.

Леон остановился с салфетками в руках. Несколько секунд смотрел на Марка, потом на телефон.

— Спасибо. Вот теперь действительно стало спокойнее.

Нина слегка придвинулась, чтобы видеть экран. Одно кресло стоило дешевле, второе обещали привезти завтра, третье было заметно дороже и почему-то помечено как «подходящее именно вам».

— Хочешь сказать, он и без микрофона понимает, что тебе нужно кресло?

Марк открыл историю просмотров. Несколько вечеров поисков заняли почти весь экран.

— Я четвёртый день сам ему об этом рассказываю. Не словами. Открываю кресла, сравниваю цены, читаю отзывы, возвращаюсь к одним моделям и закрываю другие через несколько секунд. Магазину не нужно слышать слово «кресло». Я уже оставил достаточно следов.

Леон закончил с салфетками, поставил держатель на привычное место и наклонился ровно настолько, чтобы увидеть экран.

— Чтобы продать тебе кресло.

Марк заблокировал телефон. Вместо товаров появились отражения ламп.

— Конечно. И здесь нет никакой тайны. Я хочу найти подходящую вещь, магазин хочет её продать. Если он показывает нужное раньше, чем я переберу тысячу вариантов, всем удобно.

Нина смотрела уже не на телефон, а на Марка. Несколько секунд она молчала, слушая скорее интонацию, чем сами слова.

— Ты произнёс «всем удобно» так, будто дальше обязательно будет «но».

Марк провёл пальцем по влажному кольцу на салфетке. Вместо ответа одним предложением он некоторое время смотрел на погашенный экран.

— Не «но». Скорее вопрос. Сейчас я уже знаю, что мне нужно кресло, поэтому магазин ничего обо мне не угадывает. Я четыре дня сам всё ему рассказал поведением. Интереснее момент чуть раньше — когда человек ещё говорит себе, что просто смотрит, а со стороны уже видно: он второй раз вернулся к одной вещи, задержался, сравнил, снова открыл. Предложение может появиться раньше, чем он сам успеет назвать своё желание словами.

Леон поставил на стойку свежий бокал и наконец налил себе воды. Разговор за последние несколько минут заметно ушёл дальше, чем требовал обычный спор о рекламе.

— То есть телефон знает, чего человек хочет, раньше человека?

Марк качнул головой.

— Нет. Он вообще ничего не обязан «знать» в человеческом смысле. Достаточно нормально считать вероятность следующего действия. Иногда этого хватает, чтобы со стороны получилось почти то же самое.

Нина коснулась связки ключей, но взгляд остался на погашенном экране Марка.

— А с маршрутом так не получится. Куда я хочу попасть, навигатор знает с самого начала. Я сама ему сказала.

Марк кивнул. Здесь красивая общая теория рассыпалась о простую деталь, и это ему, похоже, даже понравилось.

— Да. С маршрутом он не угадывает желание. Он выбирает способ. Может учитывать то, чего ты не видишь, может ошибаться, может считать другой вариант выгоднее по своим правилам. Никакой общей тайны из этого пока не получается.

Нина откинулась на спинку стула. Плечи немного расслабились.

— Вот теперь мне спокойнее. А то ещё немного — и я сама бы начала искать смысл в каждом повороте.

У бильярдного стола раздался недовольный стук кия. Один из игроков промахнулся по простой позиции и несколько секунд рассматривал стол так, будто тот изменил геометрию без предупреждения. Леон проводил его взглядом, выпил воды и только потом вернулся к разговору.

— Люди вообще плохо переносят ситуацию, когда вещь делает не то, что от неё ждут. Даже если потом выясняется, что вещь ничего не обещала.

Марк посмотрел на него, затем на Нину.

— Вот это уже ближе. Мы пользуемся десятками сервисов и воспринимаем их как отдельные инструменты, хотя они постоянно получают данные друг от друга. Для пользователя всё

чаще важен не один сервис, а результат всей цепочки. Где заканчивается решение одного и начинается влияние другого, иногда даже специалисту сразу не видно.

Нина медленно повернула ключи на столе.

— И что из этого следует?

Марк поднял стакан, обнаружил, что виски закончился, и поставил обратно.

— Пока ничего. Именно это мне и нравится. Есть вопрос, но ещё нет красивого ответа.

Леон сразу воспользовался паузой и забрал пустой стакан.

— Наконец-то фраза психолога, с которой я полностью согласен.

Разговор после этого сам ушёл в сторону. Один из игроков у бильярда потребовал повторить песню, которую Леон только что пропустил в плейлисте; Леон отказался на том основании, что бар всё-таки не демократическое государство. Нина вспомнила пассажира, который однажды просил её ехать медленнее, потому что приложение показывало прибытие слишком рано и жена могла задать вопросы. Марк рассказал про клиента, пришедшего на консультацию на сорок минут раньше и всё равно опоздавшего к началу, потому что решил переждать в кафе через дорогу.

К теме навигации они больше всерьёз не возвращались.

Леон достал из-под стойки терминал и положил его рядом с Нининими ключами.

— Ты обещала сегодня домой раньше. У тебя осталось примерно семь лет, чтобы начать выполнять обещание.

Нина приложила телефон, дождалась короткого сигнала и начала надевать куртку. Рукав вывернулся внутри, несколько секунд пришлось вытаскивать подкладку пальцами.

— Сегодня действительно раньше. Зафиксируй дату и больше ничего от меня не требуй.

Она перекинула сумку через плечо, но возле двери всё-таки остановилась и посмотрела на Марка.

— Если когда-нибудь предложение действительно появится раньше, чем ты поймёшь, что тебе это нужно, расскажешь?

Марк достал телефон. Магазин кресел терпеливо ждал на прежнем месте.

— Сначала придётся понять, хотел ли я это до предложения или захотел уже после него.

Леон поднял очередной бокал к свету.

— К тому времени кресло снимут с производства.

Нина рассмеялась и вышла. Дверь на несколько секунд впустила внутрь холодный воздух, влажный запах улицы и шум проходящего трамвая, затем снова закрылась.

Нина села в машину, закрепила телефон в держателе и включила зажигание. За время стоянки салон успел остыть, лобовое стекло покрыла тонкая влажная плёнка. Она включила обогрев и уже собиралась написать дочери, что задержится ещё минут на сорок, когда приложение подало короткий сигнал. Новый заказ находился возле старого театра. Пассажира нужно было отвезти в северную часть Ардовска. Нина нажала «принять», и синяя линия появилась почти сразу: к реке, затем вдоль воды, через набережную.

Она не тронулась с места. Сначала посмотрела расчётное время, потом открыла альтернативы. Второй маршрут шёл через старый мост и был на четыре минуты быстрее. Никаких предупреждений возле него не было — ни аварии, ни ремонта, ни плотного движения. Нина положила обе ладони на руль и несколько секунд смотрела на экран. После разговора в баре любая странность теперь казалась подозрительнее, чем заслуживала, и это раздражало сильнее самой рекомендации. Она закрыла альтернативы, включила поворотник и выехала от тротуара в сторону старого моста. Навигация спокойно перестроилась. Через два перекрёстка синяя линия снова предложила повернуть к набережной. Нина бросила на экран короткий взгляд, отключила голосовые подсказки и продолжила прямо.

В это же время набережная оставалась удивительно оживлённой для февраля. Холодный влажный ветер шёл от воды, но маленькие кафе вдоль прогулочной части не закрывались даже

зимой. Под навесами горели обогреватели, возле высоких столиков стояли люди со стаканами в руках, из одной открытой двери пахло свежим тестом и корицей, из другой тянуло горячим вином, апельсиновой цедрой и гвоздикой. Где-то играла негромкая музыка без слов; ветер временами уносил её полностью, потом возвращал вместе с запахом выпечки. Тёплый свет витрин ложился на мокрый камень и тянулся по воде размытыми полосами.

Анна стояла возле небольшой витрины с выпечкой, когда Алекс подошёл со стороны трамвайной остановки. В этот раз он узнал её раньше, чем она повернулась. Светлые волосы частично спрятаны под шарфом, руки в карманах длинного тёмного пальто, сумка через плечо. Бумажной книги сегодня не было. Она заметила его отражение в стекле, обернулась и первым делом посмотрела на часы в телефоне.

— Две минуты до назначенного времени. Я уже начала подозревать, что твоя пунктуальность существует только в рассказах о себе.

Анна сразу спрятала телефон обратно, спасая пальцы от ветра. Алекс остановился рядом, посмотрел на собственные часы и только потом на неё.

— Я пришёл раньше. Последние три минуты специально стоял за углом, чтобы не создавать завышенных ожиданий на будущее.

Он поправил манжет пальто и сунул руку обратно в карман. Анна несколько секунд изучала его лицо, решая, заслуживает ли версия права существовать, потом повернулась к витрине.

— Хорошая стратегия. Сразу немного разочаровать человека, чтобы потом проще поддерживать уровень.

За стеклом девушка выкладывала ещё тёплые слойки. Алекс посмотрел на ценник возле булочки с корицей и мысленно решил, что в стоимость, вероятно, уже включены вид на воду и личное благословение пекаря.

— Люди слишком часто начинают знакомство с демонстрационной версии себя, а потом удивляются, почему обновление оказалось хуже.

Он сделал шаг в сторону, пропуская женщину с ребёнком к витрине, и только после собственной фразы понял, куда свернула мысль. Анна тоже заметила.

— Ты сейчас сравнил отношения с программой?

Она повернулась к нему уже с улыбкой, явно ожидая, как он будет выбираться. Алекс поднял ладонь, останавливая обвинение до окончательного оформления.

— Нет. Я вовремя заметил направление и прекратил разработку. Внутренняя модерация сегодня работает.

Он кивнул в сторону прогулочной части. Анна без обсуждения пошла рядом, и несколько минут разговор им вообще не требовался. Вчера подобная пауза ещё заставила бы кого-нибудь искать новую тему; сегодня тишина уже не казалась пустотой. Мимо шли люди, ветер временами бросал Анне волосы на лицо, велосипедист медленно объехал их по краю дорожки, возле открытой двери кафе мужчина в фартуке переставлял поднос с горячими пирогами.

У стойки с напитками Анна сама замедлила шаг. Над металлической ёмкостью поднимался пар, рядом лежали половинки апельсинов, палочки корицы и звёздочки бадьяна. Она вынула руку из кармана и на секунду задержала ладонь над тёплым воздухом.

— Вот из-за этого зимой сюда и стоит приходить. Можно вообще ничего не покупать. Достаточно пройти мимо трёх таких мест, и кажется, будто вечер уже удался.

Алекс посмотрел на доску с меню. Глинтвейн занимал верхнюю половину, ниже шли кофе, какао и несколько напитков с названиями, которым требовалось больше уверенности, чем содержимому.

— Предлагаю всё-таки поддержать экономику набережной. Иначе однажды они узнают, что ты годами бесплатно пользуешься запахом корицы, и начнут брать за вход.

Он уже достал телефон, пока Анна только расстёгивала сумку. Терминал пискнул раньше, чем она успела найти свой. Анна остановила руку внутри сумки и посмотрела на Алекса.

— Это потому, что свидание, или потому, что ты оказался ближе к терминалу?

Она не достала телефон, а снова застегнула сумку и дождалась, пока продавец поставит два стакана. Алекс протянул ей один только после того, как она натянула перчатку обратно.

— Официальный статус мероприятия пока не утверждён. Будем считать, что терминал действительно оказался ближе.

Анна обхватила картон обеими руками и сначала просто грела ладони. Пар пах вином, апельсином и специями. Она осторожно попробовала напиток, убедилась, что не обожжётся, и пошла дальше.

— Удобно. Если вечер закончится плохо, всегда можно сказать, что это была просто прогулка.

Алекс подстроился под её шаг. Ветер с воды стал сильнее, пришлось выше поднять воротник.

— А если хорошо, можно задним числом объявить свиданием и присвоить себе заслуги. Система гибкая.

Анна сделала ещё один глоток и некоторое время смотрела перед собой. Потом улыбнулась, будто мысль сформировалась чуть раньше слов.

— Мне уже начинает нравиться твоя привычка оставлять запасной выход.

Алекс повернул к ней голову. На этот раз не попытался сразу защититься шуткой.

— Это не запасной выход. Мы действительно пока просто гуляем, пьём глинтвейн и ещё не приняли совместного решения, как назвать происходящее.

Она задержала на нём взгляд немного дольше, чем раньше. Тёплый стакан остался возле губ, но пить Анна не стала.

— Значит, решение отложим до конца прогулки.

Она подняла стакан чуть выше, будто закрепляла соглашение, потом снова повернулась к воде.

Несколько минут разговор перескакивал с книг на музыку, потом на места, где они хотели бы пожить хотя бы месяц. Анна выбрала небольшой город у моря, без стеклянного центра и постоянного шума за окном. Алекс предположил, что на третьей неделе она начнёт искать кафе, где после десяти вечера делают хороший кофе. Она уверенно заявила, что просто научится ложиться раньше, сама услышала собственные слова и рассмеялась первой.

У одного из кафе музыкант играл на клавишах спокойную мелодию без слов. Несколько человек задержались рядом, никто не снимал его в упор, и от этого музыка казалась частью улицы, а не выступлением. Анна замедлила шаг, послушала несколько тактов и только потом повернулась к Алексу.

— Я вчера думала о твоей работе. Если человеку удалить аккаунт, сколько его вообще остаётся в интернете?

Она снова посмотрела на музыканта, не пытаясь придать вопросу особую значительность. В голове у Алекса почти сразу появилась карточка Эмиля Тарена, старая фотография возле воды и жёлтая отметка, возникшая уже после того, как всё должно было закончиться.

— Сегодня как раз был случай. Человек умер почти год назад. Родственники попросили полностью удалить профиль, мы закрыли старые связи, поставили удаление в очередь. Потом кто-то загрузил фотографию десятилетней давности. Система узнала на ней умершего и снова связала снимок с его профилем.

Он говорил негромко, не перекрывая музыку. Анна перестала следить за руками музыканта и несколько шагов прошла молча.

— То есть он сам ничего не сделал. Его уже нет. Другой человек просто добавил старую фотографию — и он снова появился внутри системы?

Она убрала свободную руку в карман пальто, а стакан прижала ближе к груди. Алекс кивнул. Навстречу шла компания из нескольких человек, им пришлось ненадолго сместиться к парапету.

— Пока удаление не завершилось окончательно. Программа увидела знакомое лицо и сделала ровно то, для чего её создавали. Ничего необычного.

Когда люди прошли, Анна не сразу вернулась на прежнее расстояние. Сначала посмотрела на него сбоку.

— Ты специально добавил последнее?

Алекс сделал глоток уже остывшего глинтвейна и некоторое время смотрел на дорожку перед собой.

— Наверное. Потому что история звучит страннее, чем устроена. Там у каждого действия есть нормальная причина.

Анна убрала выбившиеся волосы за ухо и несколько шагов шла молча. Возражать техническому объяснению она не стала.

— Иногда нормальная причина всё равно не делает историю менее странной.

Алекс уже собирался ответить привычно, но вместо этого вспомнил разговор с Тео: одна программа удаляла человека, пока другая совершенно правильно продолжала его узнавать. Он покрутил стакан в ладони и только потом заговорил.

— Наверное, нет. Просто я привык сначала искать причину. Работа такая. Если понимаешь механизм, обычно половина странностей исчезает сама.

Анна посмотрела на воду. По чёрной поверхности протянулся размытый свет с другого берега.

— А я, похоже, сначала замечаю именно странность. Объяснение приходит потом.

На этом они оба замолчали. Алекс несколько секунд обдумывал её слова, не пытаясь немедленно превратить различие между ними в очередную шутку.

— Значит, если когда-нибудь случится что-нибудь действительно непонятное, ты заметишь раньше, а я дольше буду искать, почему всё нормально.

Улыбка появилась лишь у края её губ.

— Очень перспективное распределение обязанностей.

Они снова пошли. Разговор не закончился, просто стал тише. Музыкант постепенно остался позади, мелодия теперь долетала отдельными фрагментами.

Через некоторое время Анна сама вернулась к Эмилю.

— А когда он тогда исчезает окончательно?

Вопрос прозвучал просто, но Алекс всё равно не ответил сразу. Первая рабочая формулировка — после завершения процедуры — вдруг показалась слишком узкой.

— Из аккаунта — когда закончится удаление. Из чужих фотографий может вообще никогда. Из переписок, видео, архивов других людей тоже всё сложнее.

Он остановился. Дальше пришлось бы либо превращать прогулку в объяснение внутренней системы, либо признать, что точной границы действительно нет. Анна несколько секунд смотрела на воду.

— Раньше человек умирал и оставался в памяти тех, кто его знал. Теперь память ещё и хранится отдельно от них. И если человек долго всем этим пользовался, система знает его лицо, голос, где он бывал, что покупал, с кем разговаривал.

Алекс немного подумал. В её фразе всё было правильно, кроме одного слова, которое хотелось сразу отделить от остальных.

— Может знать очень многое о нём. Но знать данные и знать самого человека всё-таки разные вещи.

Анна подняла стакан и заглянула внутрь, где оставалось совсем немного напитка. Серьёзность разговора начала надоедать ей раньше, чем сама тема.

— Хорошо. А то мы начали с глинтвейна, а через пятнадцать минут дошли до цифрового бессмертия. Для второй встречи темп довольно бодрый.

Алекс кивнул на витрину впереди, где под тёплыми лампами лежали булочки с корицей.

— Могу вернуть нас к безопасным вопросам. Например, почему вот эта булочка стоит как полноценный обед в районе без вида на реку.

Анна сразу посмотрела туда и замедлила шаг.

— Осторожнее. Булочки я защищаю ещё серьёзнее бумажных книг.

Она подошла ближе к витрине. Алекс остановился рядом.

— Тогда вопрос снимается. Второй идеологический конфликт за двое суток отношения могут не пережить.

Слово прозвучало раньше, чем он успел его проверить. Анна тоже заметила. Между ними на несколько секунд остались только шипение кофемашины из кафе и голоса за соседним столиком. Она первой перевела взгляд на выпечку, но не попыталась сделать вид, будто ничего не услышала.

— Слишком поздно. Теперь придётся купить одну и проверить, насколько эти самые отношения устойчивы к корице.

Она достала телефон, и в этот раз Алекс не стал опережать её у терминала.

Булочку они взяли одну на двоих. Бумажный пакет нёс Алекс, Анна отламывала небольшие кусочки и каждый раз утверждала, что следующий будет последним. После третьего обещания оба перестали воспринимать его всерьёз. Разговор снова ушёл от серьёзных тем. Анна рассказала о поездке, где выбрала гостиницу только из-за фотографии балкона, а на месте выяснилось, что балкон выходит на стену соседнего дома. Алекс признался, что однажды три дня ел в одном ресторане просто потому, что не хотел снова выбирать другой. Она заявила, что теперь история с креслом, которого она ещё не знала, наверняка могла бы многое о нём объяснить, и сама не поняла, насколько близко случайно подошла к разговору, состоявшемуся на другом конце города.

Чем дальше они уходили от кафе, тем тише становилась набережная. Запах корицы остался позади, музыка долетала отдельными фрагментами, людей встречалось меньше. Со стороны города прогулочную часть прикрывали старые дома с небольшими балконами, поэтому ветер почти исчез. Алекс выбросил пустые стаканы, потом некоторое время нёс смятый пакет от булочки, пока не нашёл следующую урну.

Впереди показался поворот к трамвайной линии. Анна увидела остановку первой и немного замедлила шаг. Несколько секунд смотрела на свет впереди, потом вернулась взглядом к Алексу.

— У меня всё-таки остался один вопрос.

Она вынула руки из карманов и остановилась. Алекс сделал ещё полшага по инерции, потом тоже повернулся к ней.

— Уже звучит опасно.

Он остался на месте и просто дождался продолжения. Анна перенесла вес с одной ноги на другую, ненадолго посмотрела ему за плечо и снова встретилась с ним глазами.

— Это всё-таки свидание или просто очень длинная дружеская прогулка, где один человек дважды кормит другого и между делом рассказывает про мёртвые аккаунты?

Она договорила и не стала спасать вопрос улыбкой. Алекс несколько секунд молчал. Не потому, что не знал ответа. Наоборот — ответ был слишком понятным, и впервые за вечер прятать его за формулировкой, из которой можно выйти без потерь, показалось лишним.

— Если я скажу, что свидание, ты разрешишь тебя поцеловать?

Анна чуть подняла подбородок. Улыбка появилась медленно, но взгляд она не отвела.

— Ты опять ответил вопросом на вопрос.

Она оставила руки свободно вдоль тела и подождала. Алекс посмотрел на неё несколько секунд, затем коротко выдохнул.

— Потому что твой ответ сейчас интересует меня заметно больше моего.

Он сделал один шаг и остановился. Оставшееся расстояние было уже небольшим, но достаточным, чтобы решение по-прежнему принадлежало ей. Анна ничего не сказала сразу. За парапетом тихо шумела вода, на дальней улице прошла машина, от кафе позади донёсся обрывок музыки.

— Тогда перестань обсуждать.

Она сама сделала половину оставшегося шага. Алекс сначала коснулся её ладони, не пытаясь потянуть ближе. Анна не отстранилась; наоборот, сама вложила руку в его. Только тогда он взял вторую, посмотрел ей в глаза и наклонился.

Поцелуй получился коротким. Вода не исчезла, машины продолжали идти по дороге, фонари отражались на мокром камне. Анна на несколько секунд закрыла глаза, пальцы чуть сильнее сжали его руки. Алекс отстранился первым, но сразу её не отпустил. Они остались достаточно близко, чтобы больше не требовалось говорить громко.

— Теперь, по-моему, вопрос со свиданием можно считать закрытым.

Анна сначала посмотрела на их руки, потом подняла глаза. Улыбка вернулась уже другой — без прежней осторожности и необходимости проверять каждую фразу.

— Очень удобный способ отвечать на сложные вопросы.

Она медленно высвободила пальцы, но не отступила. Алекс убрал руки в карманы только после этого.

— Зато появился результат, который трудно истолковать неправильно.

Анна покачала головой и сделала несколько шагов к парапету. Там остановилась, положила ладони на холодный камень и посмотрела на воду. Вопрос появился уже после того, как момент успел закончиться.

— А если бы я отвернулась?

Она повернула голову к Алексу. Он подошёл ближе, но оставил между ними немного пространства. Сначала посмотрел на реку, потом на неё.

— Пережил бы. Если бы я умирал после каждого отказа, родственники давно разорились бы на кремациях.

Анна сначала посмотрела на него с недоверием, будто проверяя, действительно ли услышала именно это. Потом всё-таки рассмеялась, подняла ладонь к губам и тут же опустила.

— Всё настолько плохо?

Она развернулась к нему всем корпусом. Алекс поправил воротник пальто, хотя тот уже лежал нормально.

— Пока, как видишь, жив. Значит, семейный бюджет справляется.

Анна ещё некоторое время рассматривала его, потом подошла на шаг ближе.

— Ты очень необычный человек.

В голосе не было ни насмешки, ни сомнения. Алекс снова коснулся воротника, понимая, что второй раз поправлять там уже совершенно нечего.

— Тут желательно уточнить интонацию. Это диагноз или комплимент?

Анна не ответила сразу. Посмотрела на него, затем ненадолго на свет остановки и снова вернулась взглядом.

— Сегодня — комплимент. И, кажется, именно это мне в тебе и нравится.

На этот раз Алекс действительно не придумал ответ сразу. Несколько секунд просто смотрел на неё, и Анна заметила паузу раньше, чем он успел спрятать её привычным способом.

— Вот. Оказывается, такое тоже бывает.

Она улыбнулась и первой пошла к остановке. Алекс догнал через несколько шагов. Возвращать себе последнее слово теперь уже не хотелось.

Через несколько метров Анна сама взяла его под руку и немного приблизилась. Алекс посмотрел на её ладонь у своего локтя, но комментировать не стал.

Телефоны оставались в карманах.

До остановки они дошли без карты.

Глава 5. Условия

Ночью Ардовск не темнел — он просто менял свет. К десяти часам закрывались небольшие магазины, гасли вывески кафе, редели машины на боковых улицах, зато многоэтажные дома постепенно загорались сотнями отдельных окон. Белых, жёлтых, почти оранжевых. За одними двигались человеческие силуэты, другие были плотно задёрнуты шторами, третьи оставались чёрными и отражали низкое февральское небо. Мокрый снег проходил через свет фонарей редкими косыми полосами, оседал на крышах автомобилей и почти сразу превращался в воду. С высоты город выглядел спокойным. За одинаковыми прямоугольниками кто-то ужинал, укладывал детей, ругался из-за денег, мирился, отвечал на сообщения и принимал решения, которые с улицы невозможно было отличить от тысяч других.

В старом квартале севернее центра стоял двенадцатиэтажный дом с широкими балконами и тёмным фасадом, который обещали привести в порядок ещё прошлой весной. На восьмом этаже работал телевизор, этажом выше кто-то курил возле открытого окна, на десятом под тёплой кухонной лампой Вера в третий раз заглядывала в один и тот же шкаф в поисках крышки от пластикового контейнера. Сам контейнер стоял на столешнице и своим существованием только подтверждал, что крышка когда-то всё-таки была.

Алекс приехал к сестре меньше получаса назад. После набережной он проводил Анну до трамвая и остался на остановке, пока вагон не скрылся за перекрёстком. Уже с подножки она обернулась, улыбнулась ему через стекло, и эта улыбка почему-то задержалась в памяти дольше самого трамвая. Домой ехать не хотелось. В телефоне ещё с вечера лежало сообщение Веры: если закончишь не слишком поздно — заезжай, Мия спрашивала, куда ты пропал. Алекс посмотрел на время, несколько секунд постоял под мокрым снегом, потом вызвал машину и вместо своего адреса назвал адрес сестры.

Теперь его пальто висело в прихожей между длинным пуховиком Веры и детской курткой с меховым капюшоном. Внизу теснились три пары кроссовок Мии, зимние ботинки, балетная сумка и маленький розовый зонт, который в ардовской зиме выглядел скорее проявлением надежды, чем полезной вещью. На холодильнике держались школьное расписание, занятия балетом, список покупок, магнит из Веллара и нарисованный фломастерами кот, без подписи похожий на картофелину с хвостом. У Алекса дома забытая на столе чашка через несколько часов начинала раздражать. Здесь каждая свободная поверхность давно проиграла борьбу с жизнью и, похоже, прекрасно пережила поражение.

Вера закрыла шкаф и посмотрела на контейнер с тем недоверием, которое обычно оставляют для людей с плохой репутацией.

— Вчера я собственными руками положила крышку сюда. Сегодня контейнер есть, крышки нет. Нас в квартире двое, и одна из нас утверждает, что вообще не пользуется контейнерами. Если через неделю исчезнет холодильник, у следствия хотя бы будет основной подозреваемый.

Из комнаты сразу донеслось возмущённое:

— Я ничего не брала!

Вера медленно повернула голову в сторону коридора, потом посмотрела на брата. Алекс сидел возле окна с чашкой кофе, совершенно лишней после глинтвейна, но отказаться от которой уже не позволяла семейная дипломатия.

— Видишь? Я даже имени не называла.

— Может, крышка устала от обязательств и решила пожить отдельно. Такое иногда случается.

Вера задержала взгляд на его лице. Шутка сама по себе не заслуживала внимания, но настроение брата явно заслуживало.

— Ты сегодня подозрительно довольный. Это тревожит сильнее контейнера.

Она оставила поиски и села напротив. Несколько минут разговор оставался безопасным: работа, дополнительная репетиция Мии в субботу, преподавательница балета, снова поменявшая расписание и уничтожившая половину Вериных планов. Из комнаты доносилась музыка, потом что-то упало, следом прозвучало уверенное «всё нормально», на которое Вера даже не отреагировала. За восемь лет материнства у неё, очевидно, сформировалась достаточно точная шкала угроз, и отсутствие крика уже относилось к хорошим новостям.

Мия появилась на кухне в пижаме, но с планшетом под мышкой и выражением человека, совершенно не согласного с существованием ночного времени. Она забралась на соседний стул, выпросила одно печенье и некоторое время слушала взрослых. Потом разговор коснулся того, что Алекс приехал позже обычного, и девочка совершенно буднично откусила край печенья.

— Ты же опять был с Анной?

Палец Веры, до этого прокручивавший школьные уведомления на телефоне, остановился. Алекс повернул голову к племяннице. Мия спокойно жевала и ещё не поняла, почему одно имя внезапно изменило воздух на кухне.

— Напомни как-нибудь объяснить тебе, почему разведки редко берут сотрудников из начальной школы.

Мия нахмурилась, но обижаться пока не собиралась.

— Я никому не рассказывала. Только маме. И я даже не знаю, где вы были, так что ничего секретного не сказала.

Алекс медленно кивнул.

— Отлично. Значит, часть операции всё-таки пережила утечку.

Девочка решила, что взрослый опять развлекается сам с собой, и потянулась за вторым печеньем. Вера молча передвинула вазочку дальше, посмотрела на часы и напомнила о зубах, балетной форме и пяти минутах, которые Мия ещё могла потратить по собственному усмотрению. Та тяжело вздохнула, сползла со стула и уже возле двери снова обернулась.

— Анна красивая. И она тебе нравится.

Это прозвучало не вопросом. Мия исчезла в коридоре прежде, чем Алекс нашёл подходящий ответ.

Вера не набросилась с расспросами. Убрала печенье, собрала со стола крошки, долила себе чая. Она слишком хорошо знала брата: несколько прямых вопросов подряд быстро превращали его в человека, способного час обсуждать погоду, лишь бы не отвечать на то, что действительно интересно.

— Мне не нужен отчёт о свидании, — сказала она наконец, вернувшись за стол. — И количество поцелуев можешь оставить при себе. Просто странно впервые за долгое время услышать от Мии имя женщины, с которой ты виделся больше одного раза и которую сам ни разу не упомянул.

Алекс провёл большим пальцем по ручке чашки. Увести разговор в шутку ещё можно было, но воспоминание об Анне было слишком свежим.

— Мы познакомились случайно. Потом встретились ещё раз. Сегодня снова виделись. Мне с ней хорошо. Пока, пожалуй, всё, что я сам об этом знаю.

Вера не спросила, где они познакомились и что было сегодня. Последние четыре слова заинтересовали её сильнее.

— Это уже прогресс. Обычно после «мне с ней хорошо» у тебя довольно быстро появляется вторая часть: слишком много работы, разные привычки, неудобный график, не хочется усложнять. Причины каждый раз разные, итог почему-то один.

Алекс откинулся на спинку стула и посмотрел в окно. Во дворе маленький автомобиль пытался втиснуться между двумя другими. После третьего манёвра пространство вокруг него практически не изменилось.

— Если разговор сейчас закончится тем, что мне пора остепениться, срочно жениться, завести двоих детей и купить семейную машину с багажником для коляски, я предпочту вернуться к крышке. Там хотя бы проблема решаемая.

Вера улыбнулась, но не подхватила шутку. Несколько секунд смотрела в чашку, затем подняла глаза.

— Мне всё равно, женишься ты или нет. И дети тебе не обязательны. Я вообще не считаю жизнь без семьи поломкой. Но есть разница между человеком, который действительно выбрал быть один, и человеком, который каждый раз успевает закрыть дверь раньше, чем кто-нибудь подойдёт достаточно близко, чтобы его пришлось учитывать. Мне иногда кажется, что у тебя второй вариант, а ты очень хорошо научился объяснять себе, что первый.

Ответ возник у Алекса слишком быстро. Именно поэтому он его и произнёс.

— Хорошая реклама близких отношений от человека, который сам воспитывает ребёнка без помощи супруга.

Фраза вышла жёстче, чем он рассчитывал. Вера не вспыхнула. Она несколько секунд молча смотрела на брата, потом встала, сняла с плиты чайник и долила себе воды. Когда вернулась, раздражение из голоса почти ушло.

— Мой бывший оказался козлом, который сбежал, когда узнал о беременности. Не после десяти лет брака, не после измены и не потому, что мы успели друг друга возненавидеть. Просто испугался и исчез. Это достаточно точно характеризует его, но плохо подходит как доказательство того, что людям вообще не стоит сближаться. И я, кстати, не собираюсь притаскивать домой каждого мужчину, с которым выпила кофе. У меня Мия. Для меня человек должен оказаться достаточно надёжным не только для пары приятных вечеров, но и для того, чтобы когда-нибудь войти в жизнь ребёнка и не раствориться через три месяца.

Она подвинула чашку ближе и уже с привычной иронией продолжила:

— После тридцати пяти всё вообще становится интереснее. Если встречаешь свободного мужчину нашего возраста, у которого нет детей, тяжёлого развода, бывшей жены, которой он десять лет желает смерти, и уверенности, что весь женский пол создан исключительно для разрушения его нервной системы, начинаешь смотреть на него как на машину с подозрительно маленьким пробегом. Не «как повезло», а «где подвох».

Алекс всё-таки рассмеялся. Напряжение немного отступило.

— Это психолог сказал?

Вера тоже улыбнулась, но всего на секунду.

— Нет. Это я сказала. Психолог выражался приличнее.

Алекс поднял глаза. Слово прозвучало неожиданно не потому, что он считал сестру человеком, которому никогда не требовалась помощь, а потому, что она ни разу об этом не рассказывала.

Вера поняла вопрос без необходимости его задавать. Она несколько секунд вертела чашку между ладонями, выбирая, насколько далеко готова идти.

— Я ходила после рождения Мии. Не сразу. Сначала почти год всем доказывала, особенно себе, что прекрасно справляюсь. Потом поняла, что не сплю даже в те ночи, когда наконец спит ребёнок. Лежала и пыталась найти в себе причину, почему человек, с которым я собиралась жить, смог просто исчезнуть. Психолог не нашёл мне нового мужчину, если ты об этом. Он помог перестать считать чужую трусость доказательством того, что со мной что-то не так. Для начала оказалось достаточно.

За стеной Мия спорила с умной колонкой о количестве часов до утра. Потом голос стих. Алекс уже не улыбался. Вера не стала заполнять паузу немедленно и только спустя несколько секунд продолжила:

— Поэтому я не собираюсь объяснять тебе, как правильно жить. Может, тебе действительно хорошо одному. Но ты не боишься знакомиться, Алекс. Женщин тоже не боишься. Тебе даже нравится близость, пока она ничего особенно не меняет. А вот когда человек становится важным настолько, что его настроение может испортить тебе день, отсутствие начинает чувствоваться, а решение уже нельзя принимать так, будто кроме тебя оно никого не касается, тогда у тебя обычно появляется очень убедительная причина немного отойти.

Алекс посмотрел на остывший кофе. Шутка напрашивалась, но теперь прозвучала бы слишком дешёво.

— Забавно. У меня нет ни развода, ни детей, которых делили через суд, ни бывшей, уничтожившей веру в человечество, но сестра уже диагностировала страх серьёзных отношений.

Вера качнула головой. В голосе не осталось желания победить в споре.

— Именно потому, что у тебя ничего такого нет, я это и замечаю. Но я могу ошибаться. Я твоя сестра. Родственники вообще прекрасно ставят диагнозы людям, которые просто живут не так, как им нравится. Если хочешь доказать, что я несу чушь, поговори хотя бы один раз с человеком, который не знает тебя тридцать лет и которому за подобные разговоры дали диплом.

Алекс уже собирался ответить привычным уколом, но на секунду задержался. Потом всё-таки не удержался.

— Тебе дипломированный человек не особенно помог найти пару.

Вера тихо рассмеялась и покачала головой. На этот раз фраза её скорее позабавила.

— Потому что психолог — не служба знакомств. Я и не просила найти мне пару. И я не считаю отсутствие мужчины доказательством своей неисправности. Может, мне сейчас действительно нормально одной. Разница в том, что я хотя бы однажды проверила, не называю ли словом «нормально» место, в котором просто удобно прятаться.

Этой фразой она закончила разговор сама. Не стала ждать ответа, собрала чашки и ушла к Мие проверять балетную форму и выполнение договора о пяти дополнительных минутах. Алекс остался на кухне один. Вода шумела в ванной, стиральная машина ровно гудела за стеной, на столе возле телефона лежали два цветных карандаша, которые за время разговора каким-то образом снова появились там, откуда Вера убирала их вечером.

Алекс разблокировал экран. Несколько секунд без цели пролистывал уведомления, затем открыл поисковик и набрал: «психолог Ардовск». Уже первые страницы создавали впечатление, что психическое благополучие жителей города кормит полноценную индустрию. Один специалист обещал изменить жизнь за десять встреч и смотрел с фотографии так уверенно, будто девять уже прошли без участия клиента. Другой перечислял сертификаты и методики дольше, чем Алекс был готов их читать. Третий предлагал бесплатную двадцатиминутную диагностику, после которой прямо на той же странице можно было оплатить трёхмесячную программу сопровождения со скидкой до полуночи.

Он продолжил листать. Один профиль сохранил, у другого посмотрел расположение кабинета, несколько закрыл почти сразу. Постепенно слова Веры перестали быть единственной причиной поиска: Алекс действительно начал выбирать. Телефон коротко завибрировал. Сестра прислала ссылку и единственную фразу: «Я ходила к нему. Посмотри, если захочешь».

Алекс прочитал сообщение, но ссылку не открыл. Вернулся к результатам и ещё несколько минут сравнивал специалистов. Одна женщина почти подошла — нормальное описание, удобное расположение, свободное время вечером. Он оставил страницу открытой, просмотрел ещё пару вариантов и только потом вернулся в переписку с Верой.

На фотографии по её ссылке был Марк. Спокойное лицо, тёмная рубашка, нейтральный фон. Ни книжного шкафа за плечом, ни чашки в руках, ни обещания «новой версии

себя». Ниже стояла специализация: когнитивный психолог; работа с повторяющимися поведенческими сценариями, принятием решений, тревогой и отношениями. Описание оказалось коротким, почти сухим, и Алекс именно поэтому дочитал его до конца. Потом снова открыл сохранённую страницу другой специалистки, просмотрел, закрыл и вернулся к Марку.

Ближайшее удобное время было через четыре дня, в половине восьмого. Алекс открыл форму. Имя и номер телефона подставились автоматически; оставалось подтвердить запись. Он задержался. В соседней вкладке по-прежнему ждали десятки людей, Вера больше ничего не писала, никто не стоял над плечом. Можно было продолжать выбирать ещё час, вернуться к сохранённому варианту или закрыть всё и утром решить, что ночная идея возникла исключительно из-за неудобного разговора с сестрой.

Он посмотрел на имя Марка ещё раз и нажал подтверждение. Через секунду расписание исчезло, вместо него появилась обычная строка: запись принята, через четыре дня, 19:30. Никакого особенного чувства не последовало. Кухня осталась кухней, снег продолжал сползать по стеклу прозрачными дорожками, стиральная машина закончила цикл и негромко щёлкнула замком.

Телефон почти сразу завибрировал снова. Алекс машинально решил, что кабинет прислал ещё одно уведомление, но увидел имя Анны.

«Мне очень понравился сегодняшний вечер».

Он прочитал сообщение один раз и невольно улыбнулся. Перечитал уже без необходимости. Вера как раз вернулась на кухню, заметила выражение его лица, но ничего не спросила; только открыла холодильник и достала бутылку Мии, чтобы наполнить водой на утро. Алекс набрал «Мне тоже», задержался над клавиатурой и добавил: «Особенно часть после обсуждения статуса нашей прогулки».

Он не отправил сразу. В памяти снова появилась остановка, чёрная вода за парапетом, ладонь Анны в его руке и её спокойное «сегодня — комплимент». Последняя строчка внезапно показалась слишком тщательно придуманной.

Алекс стёр набранную фразу, оставил только: «Мне тоже. Очень» — и отправил.

Анна ответила не сразу. На экране несколько секунд ничего не происходило, потом появилась привычная отметка, что сообщение прочитано. Алекс положил телефон на стол. Уведомление о записи к Марку всё ещё оставалось в верхней части экрана, но теперь почти не привлекало внимания.

За окном Ардовск понемногу гасил свет. На противоположной стороне двора исчезло одно окно, через минуту другое; выше кто-то задёрнул шторы, оставив по краям ткани тонкие жёлтые полосы. Дальше, поверх крыш и тёмных дворов, город снова собирался из сотен таких же окон — чужих кухонь, спален, детских комнат, разговоров, которые не выходили за стены. Несколько улиц тянулись к другому кварталу, более новому, где одинаковые балконы выступали из светлых фасадов и во дворах ещё горели фонари над пустыми детскими площадками. На шестом этаже углового дома одно окно оставалось освещённым.

На кухонном столе за этим окном коротко вспыхнул телефон Марка. Уведомление высветило край сахарницы, школьную тетрадь в клетку и несколько деталей конструктора, которые Крис зачем-то принёс из гостиной, задержалось на несколько секунд и погасло.

Марк его не заметил.

Разговор со старшим сыном шёл уже несколько минут. Мартин стоял возле стола в тёмной толстовке, спрятав ладони в карманы. В пятнадцать лет он почти сравнялся с отцом ростом, но ещё не привык к резко вытянувшемуся телу и поэтому то сутулился, то занимал собой больше пространства, чем собирался. Аделина сидела у окна с кружкой чая и открытым ноутбуком, на котором уже давно не менялась страница. Крис устроился на полу между кухней и гостиной и строил из конструктора космическую базу, пока больше напоминавшую последствия ошибки проектировщика.

Причиной разговора была суббота. Один из друзей Мартина собирал компанию в квартире старшего брата. Родители уезжали, брату было девятнадцать, собирались знакомые из школы и ещё несколько человек, которых Мартин описал универсальным словом «нормальные». Именно оно Марку понравилось меньше всего.

Он не запрещал сыну идти. По крайней мере, самому Марку казалось именно так.

— Я не пытаюсь посадить тебя дома. Мне нужно понимать, куда ты идёшь, кто там будет и как собираешься возвращаться. Пока из понятного только то, что квартира принадлежит брату твоего друга, которого ты сам почти не знаешь. Будут люди не из вашей компании, взрослых дома нет, возвращаться придётся поздно. Я не считаю тебя маленьким, Мартин. Но если всё это сложить, мне совершенно нормально не нравятся условия.

Мартин выслушал отца до конца. Потом вынул руки из карманов и сел напротив. Раздражение в его лице давно успело пройти; осталось только усталое узнавание разговора, который они в разных вариантах проводили уже не впервые.

— Вот именно это я и имею в виду. Ты никогда просто не говоришь: «Мне это не нравится» или «я боюсь тебя отпускать». Ты начинаешь задавать вопросы. Зачем мне обязательно туда идти, что случится, если я останусь дома, как я собираюсь возвращаться, какие есть другие варианты. Потом ждёшь, пока я сам дойду до ответа, который ты с самого начала считал правильным. Вроде решение остаётся моим, только выбирать к концу уже почти не из чего.

Марк хотел уточнить, действительно ли сын воспринимает его вопросы именно так каждый раз и почему уверен, что результат заранее известен. Формулировка почти целиком сложилась в голове — спокойная, правильная, профессиональная.

Он не произнёс её.

Аделина заметила это по лицу мужа и едва заметно улыбнулась в кружку.

Мартин опёрся предплечьями о стол и продолжил уже тише:

— Я из-за этого иногда не понимаю, когда тебе на самом деле интересно моё мнение. Может, ты спрашиваешь, потому что хочешь узнать. А может, уже всё решил и просто ведёшь меня туда так, чтобы я сам произнёс нужное.

С пола неожиданно вмешался Крис. До этого он так сосредоточенно переставлял детали, что взрослые почти перестали учитывать его присутствие.

— Со мной он тоже так делает. Когда я хотел планшет в кровать, папа не сказал «нет». Сначала спросил, зачем он мне нужен, потом сколько я собираюсь смотреть и как думаю вставать утром. Я уже после второго вопроса понял, что планшета не будет. Но отвечать всё равно пришлось до конца.

Аделина опустила кружку. На этот раз спрятать улыбку не удалось.

Марк посмотрел на младшего сына, затем снова на Мартина. Желание объяснить, что способность самостоятельно оценивать последствия гораздо полезнее простого подчинения запрету, никуда не исчезло. Именно поэтому он понял, что сейчас объяснять ничего не стоит.

Он потёр переносицу и несколько секунд собирался с совершенно непривычной для себя формулировкой.

— Хорошо. Без вопросов. Мне страшно тебя отпускать туда до ночи. Не потому, что я тебе не доверяю. Я представляю алкоголь, незнакомых людей, человека, которому придёт в голову куда-нибудь ехать, и тебя в ситуации, где нужно будет отказаться, не выглядя трусом перед компанией. Большая часть этого, скорее всего, вообще не случится. Я это понимаю. Но ты мой сын, поэтому мозг почему-то первым делом показывает мне именно плохие варианты.

Мартин впервые за весь разговор расслабил плечи. Марк увидел это и не стал превращать момент в доказательство правильности нового подхода.

— Ты идёшь. Я отвезу тебя и заберу в полночь. Если решите куда-нибудь переместиться или планы поменяются, просто напиши. Не каждые двадцать минут и не отчёт о происходящем. Мне нужно только знать, где ты.

Мартин помолчал. Половина сопротивления, для которого он готовился заранее, вдруг оказалась не нужна.

— Если в половине первого?

Вопрос про то, почему именно дополнительные тридцать минут имеют принципиальное значение, уже появился у Марка. Он увидел выражение лица Аделины и остановился.

— Двенадцать пятнадцать. Это всё, что осталось сегодня от моей родительской власти.

Мартин усмехнулся и кивнул. Возле двери остановился, словно собирался что-то добавить, потом всё-таки сказал:

— Вот так намного лучше.

Когда дверь его комнаты закрылась, Крис немедленно поднял голову от конструктора. Выражение лица было настолько невинным, что Марк насторожился ещё до вопроса. — Тогда мне сегодня планшет можно?

Марк медленно повернулся к младшему сыну. — Нет. Сегодня просто нет. — Крис довольно кивнул и вернулся к конструктору; короткого ответа ему, похоже, и хотелось.

Аделина рассмеялась. Марк покачал головой и впервые за последние несколько минут позволил себе улыбнуться. Через некоторое время Крис собрал конструктор и отправился чистить зубы, из комнаты Мартина негромко включилась музыка. Квартира постепенно возвращалась к обычному вечернему шуму: вода в ванной, холодильник на кухне, шаги за стеной, мокрый снег, время от времени шуршавший по стеклу.

Аделина закрыла ноутбук и несколько минут ничего не говорила. Марк всё ещё смотрел в сторону комнаты старшего сына и явно продолжал разговор уже без его участия.

— Если сейчас начнёшь разбирать каждое его слово, он победит окончательно, — сказала она, когда молчание затянулось. — И самое неприятное для тебя в том, что он ведь не совсем прав. Если бы совсем — ты бы уже спокойно объяснил почему.

Марк усмехнулся без особого веселья.

Аделина поставила локти на стол и заговорила уже серьёзнее:

— Ты не пытаешься ими манипулировать. Они это знают, я тоже. Просто когда ты тревожишься за детей, то превращаешь тревогу в то, с чем умеешь работать: причины, варианты, последствия, правильные вопросы. На работе человек сам приходит и разрешает тебе разбирать его решения. Мартин домой к психологу не записывался. Ему иногда нужен отец, который просто скажет: «Мне страшно, потому что ты мой сын». Без того, чтобы через десять минут он сам доказал тебе, что страх логичен.

Марк провёл ладонью по краю стола. Несколько часов назад в баре Нина рассказывала ему о навигаторе, который разными маршрутами снова подводил её к одному решению. Сравнение возникло слишком легко. Марк заметил его и почти сразу отодвинул: сын не был экспериментом, а семейный спор — материалом для работы.

— Забавно, — произнёс он после паузы. — Весь день объясняешь людям, что выбор должен оставаться их, а вечером собственный ребёнок сообщает, что научился заранее угадывать правильный ответ.

Аделина протянула руку через стол и накрыла его пальцы своими.

— Ты хороший отец. Просто иногда слишком стараешься быть им.

За дверью ванной Крис громко обвинил Мартина в исчезновении полотенца. Старший ответил через две стены, что вообще его не видел, после чего спор мгновенно набрал силу. Аделина убрала руку и поднялась с таким видом, будто семейная жизнь сама решила не оставлять мужу слишком много времени на самокопание.

Только теперь Марк заметил уведомление на телефоне. Экран давно погас, но значок системы записи оставался наверху. Он открыл сообщение. Новый клиент записался через четыре дня на 19:30. Алекс. Причина обращения не указана. Марк предпочитал именно так:

несколько слов в анкете слишком часто превращались в готовое объяснение, которое человек приносил с собой и потом защищал сильнее самой проблемы.

Он подтвердил время и положил телефон обратно. Имя ничего ему не говорило.

Из комнаты Мартина музыка стала тише. Марк некоторое время смотрел в сторону коридора, затем поднялся и дошёл до двери сына. За ней едва слышно шуршала музыка, скрипнул стул. Марк поднял руку, собираясь постучать, но остановился.

Сказать хотелось многое.

Именно поэтому лучше было пока ничего не говорить.

Он вернулся на кухню, выключил свет и оставил следующий разговор до утра.

Глава 6. Присутствие

Синий седан в третий раз подался назад, остановился под длинный писк парктроника и замер поперёк дворового проезда. Белые фонари заднего хода высветили грязный снег между колёсами; выхлоп опустился к мокрому асфальту и потянулся вдоль припаркованных машин. Алекс стоял у своей двери с ключами в руке и поглядывал на часы. Восемь двадцать три. Навигатор уже прибавил к дороге четыре минуты, хотя до самой дороги ещё требовалось выбраться. Тёмный кроссовер стоял почти вплотную к правому борту седана, слева старый универсал занял часть соседнего места и оставил между собой и бордюром узкий проход. Водитель седана опустил стекло, высунулся наружу и попробовал увидеть заднее колесо. Мужчине было немного за сорок. Тёмное пальто поверх белой рубашки, ослабленный галстук, усталое лицо человека, которому утро досталось раньше, чем он успел закончить ночь.

Алекс показал рукой, сколько осталось слева. Мужчина понял жест, медленно отпустил тормоз и довернул руль. Передний бампер прошёл возле универсала с таким запасом, что Алекс невольно задержал взгляд. На центральной панели седана вспыхнул входящий звонок. Водитель не ответил: выровнял машину, ещё раз проверил зеркало и только после этого опустил стекло.

— Спасибо. Я уже прикидывал, сколько квартир придётся разбудить, прежде чем найдётся хозяин этого произведения парковочного искусства, — сказал он, кивнув на универсал. Усталость не мешала ему улыбаться. — Вчера здесь две машины помещались.

Алекс открыл свою дверь, но седан всё ещё перекрывал половину проезда. Он посмотрел на универсал и убрал ключи в карман, чтобы освободить руку.

— Они и сейчас помещаются. Просто одна решила жить шире.

Мужчина рассмеялся, поднял стекло и покатился к воротам. Там пришлось пропустить женщину с девочкой в жёлтых сапогах. Девочка выбирала самые глубокие лужи с вниманием, которого её мать явно ждала совсем от других жизненных решений, и женщине приходилось одновременно складывать зонт и вытаскивать ребёнка ближе к краю дорожки. Седан дождался их и повернул налево. Алекс сел, пристегнулся и увидел на экране тридцать четыре минуты до офиса. На первом перекрёстке он ушёл направо. Синяя машина ещё держалась в левом ряду; между ними прошёл автобус, и Алекс перевёл внимание на собственную дорогу.

За автобусом седан продолжил движение к трамвайным путям. На панели снова высветился пропущенный вызов. Водитель дождался, пока вагон освободит перекрёсток, нажал кнопку на руле, и в салоне появился голос Оскара вместе с гулом чужого рабочего утра.

— Лукас, очень надеюсь услышать, что ты уже едешь. Феликс пришёл раньше всех, Элиза забрала большую переговорную, а я последние пять минут делаю вид, будто точно знаю, где находится человек, который полночи готовил нам сделку. Ещё немного — придётся придумывать тебе уважительную причину, и я боюсь, тебе не понравится моя версия.

Лукас Верн перестроился за белым фургоном и посмотрел на папку на пассажирском сиденье. Почти всё её содержимое давно лежало в рабочем профиле, но несколько страниц он всё равно распечатал. Ночью дважды закрывал ноутбук и оба раза возвращался: сначала вспомнил про приложение к договору, потом ещё раз прошёл арендаторов первого этажа. Собственные просчёты Лукас переносил спокойно, если понимал, где именно ошибся. Хуже было позже обнаружить деталь, которая всё время лежала перед глазами.

— Я еду. Закончил около трёх и, насколько способен судить человек после трёх часов сна, ничего смертельного не нашёл. Документы в порядке, большая часть площадей занята. Два помещения на первом этаже потребуют денег, но там хотя бы понятно, за что платим. Если продавец немного уступит, покупку поддержу. Причину отказаться вчера искал усерднее, чем причину согласиться.

На том конце кто-то позвал Оскара. Он попросил подождать, отошёл подальше, и офисный шум стал тише.

— Тогда примерно это и скажи Феликсу, только не начинай с твоего любимого «я всё проверил». Для тебя это информация, а у него после этих слов появляется личная задача найти место, где ты был слишком уверен. Первый этаж ему не нравится гораздо сильнее, чем тебе. Он считает, что после ремонта помещения зависнут, а твои сроки заселения существуют в мире, где продавцы добровольно снижают цену и благодарят нас за предложение.

Лукас пропустил машину из соседнего ряда. С Оскаром можно было спорить долго и без раздражения: тот редко соглашался ради тишины и не тратил время на возражение, если сам не верил в него.

— Продавец третий день ищет повод нам позвонить. Если бы за дверью стоял второй покупатель с деньгами, мы бы давно знали его любимый завтрак. Первый этаж переживём. Меня больше беспокоит вариант, в котором мы отказываемся, ещё месяц смотрим рынок и в итоге берём что-нибудь хуже только потому, что всем надоело искать.

Светофор переключился, поток тронулся. До офиса оставалось двадцать четыре минуты. Синяя линия шла к Южной набережной, затем поднималась через центр в деловой квартал. Лукас уже хотел вернуться к цене, когда изображение на экране дрогнуло и маршрут ушёл вправо, в сторону старых складских улиц. Сверху появилась привычная рекомендация: три минуты быстрее.

Он уменьшил карту. Через этот район Лукас ездил несколько раз и никаких особых преимуществ за ним не помнил.

— Навигатор предлагает склады. Обещает выиграть три минуты. Если они превратятся в десять, Феликсу я скажу, что опоздал по твоему совету.

Оскар коротко усмехнулся и вернулся к сделке. Лукас нажал на прежний маршрут. Через несколько кварталов приложение снова повело вправо, сославшись теперь на небольшое замедление впереди. Набережная на карте оставалась почти вся зелёной, машины перед Лукасом двигались ровно. Он ещё раз оставил старую дорогу. Оскар заметил движение руки и между двумя замечаниями о первом этаже сказал, что однажды Лукас поссорится с бытовой техникой всерьёз и никто из коллег не согласится быть посредником. Этим тема и закончилась.

Третье изменение появилось почти у перекрёстка. Приложение больше не обещало экономии времени и не показывало заметной пробки. После очередного пересчёта синяя линия опять ушла направо.

Впереди горел зелёный. Машины спокойно проходили к набережной. Лукас сбросил скорость, коснулся экрана и задержал палец над прежней дорогой. Запрещающих знаков не было, поток не стоял, городское приложение молчало. Можно было ехать за автомобилями впереди.

Только теперь Лукас понял, что хочет сделать это уже из упрямства.

— Похоже, я дошёл до стадии, когда собираюсь ехать прямо, потому что телефон третий раз просит повернуть. Неплохой итог ночи, которую я потратил на проверку чужих решений.

Оскар не ответил мгновенно. В динамиках зашуршали бумаги, затем его голос вернулся уже ближе, без офисного фона.

— Тогда проверка была не зря. Ты нашёл фактор, которому стоит доверять меньше навигатора: себя после трёх часов сна. Если всё равно поедешь прямо, на встрече хотя бы не называй это взвешенным решением.

Лукас усмехнулся и включил поворотник. Седан ушёл направо. В зеркало ещё было видно, как остальные машины продолжают движение к набережной. Объезд оказался свободным, хотя время прибытия почти не изменилось. Старые жилые дома сменились низкими кирпичными корпусами, справа появилась отдельная трамвайная линия. Лукас вернулся к разговору, но карту всё-таки проверил ещё дважды.

На красном сигнале машину слегка качнуло. Он решил, что автомобиль впереди откатился, сильнее нажал на тормоз и заметил дрожь в зеркале заднего вида. Металлическая крышка возле подстаканника сдвинулась по пластику. Через мгновение из-за домов пришёл тяжёлый низкий гул.

Он не был похож на обычный удар. Что-то большое сорвалось, следом прокатился сухой треск, затем несколько более коротких звуков. Люди на остановке повернули головы почти одновременно. Мужчина вытащил наушник. Женщина с собакой шагнула к дороге и остановилась. Над крышами слева начала подниматься густая серая пыль.

Лукас опустил стекло. Холодный воздух ударил в лицо, вместе с ним донёсся далёкий крик. Где-то за домами включилась сирена. Оскар некоторое время слушал тот же звук через связь, а когда заговорил, привычной насмешки в голосе уже не было.

— Я тоже слышал. К набережной не возвращайся. Встань нормально, если можешь, и дай мне минуту. Я посмотрю, что уже появилось по городу. На встречу не спеши. Сейчас важнее спокойно доехать.

Телефон завибрировал раньше, чем Оскар успел открыть новости. Городское приложение сообщало об ограничении движения в районе Южной набережной. Следом появилось уведомление о частичном обрушении здания.

Лукас приблизил карту. Первоначальная дорога проходила вдоль рухнувшего фасада.

Он перестроился к краю, включил аварийную сигнализацию и открыл историю поездки. Первое предложение свернуть появилось раньше городского сообщения. Потом было второе. Оба раза Лукас вернул набережную. Третий пересчёт он принял. Пальцы начали болеть, и только тогда он заметил, насколько сильно держится за руль.

— Старый маршрут проходил прямо под этим зданием. Если бы я ещё раз отменил объезд, сейчас был бы примерно там. Карта начала уводить меня заметно раньше предупреждения.

У Оскара на заднем плане открылась дверь, кто-то спросил, что произошло. Он коротко ответил коллегам, вышел в коридор и лишь после этого вернулся к разговору.

— Слушай меня как человека, которому ты сам не раз советовал не влюбляться в первую красивую версию. Между техническим сигналом и публичным предупреждением всегда проходит какое-то время. Мониторинг здания, обслуживание улицы, дорожники — сейчас мы понятия не имеем, что именно сработало. Узнаем позже. Пока у тебя целая машина и нормальная дорога до офиса. Доезжай. Здесь разберёмся уже с фактами, а не с тем, что каждый из нас успеет придумать по пути.

Лукас смотрел на красную зону. Версия звучала вполне правдоподобно. Незаметный датчик, служебная отметка, информация, которая дошла до маршрутизатора раньше публичного сообщения, — этого пока хватало.

Он выключил аварийку и встроился в поток. Через два квартала навигация перестроила дорогу без всякого предупреждения. Лукас заметил это не сразу. Оскар успел несколько раз обратиться к нему по имени, прежде чем тот понял, что проехал нужный поворот. На следующем перекрёстке пришлось уходить в соседний ряд и возвращаться через квартал.

Лукас попросил Оскара заняться встречей. Тот не стал спорить, но связь не отключил; телефон остался лежать где-то на столе, и из динамиков доносились отдалённые голоса, шелест документов, звук отодвигаемого стула. Обычная офисная суета раздражала меньше, чем попытки продолжать разговор.

Первые фотографии появились на следующем светофоре. У административного здания отсутствовала часть углового фасада. Обломки лежали на дороге, спасатели уже перекрывали полосу. Лукас увеличил один снимок. Взгляд сам нашёл участок у стены, где проходила старая синяя линия. Экран он погасил раньше, чем воображение успело закончить картинку.

На подземной парковке офиса было прохладно и сыро. Вентиляция гудела под потолком, шины шуршали по мокрому бетону. Лукас поставил машину у дальней стены, заглушил дви-

гатель и некоторое время оставался сидеть. Папка лежала на коленях. Утром в ней находилось всё, что казалось важным на ближайшие часы; теперь она мешала открыть дверь. Он переложил её на соседнее сиденье, тут же забрал обратно и поднялся в холл.

На беззвучном экране над стойкой охраны уже показывали набережную. Пыль частично осела, спасатели работали возле ограждения. Люди задерживались перед экраном, читали бегущую строку и расходились по своим делам. Лукас подошёл к турникету и приложил телефон. Индикатор загорелся красным. На маленьком дисплее появилась надпись о повторном входе: система считала пользователя уже находящимся в здании.

Обычная ошибка турникета даже обрадовала. Карты доступа зависают, базы расходятся, и хотя бы такие вещи укладывались в знакомый порядок. Вторая попытка ничего не изменила.

Охранник подошёл со своей стороны, принял телефон и открыл журнал. Лукас стоял рядом, время от времени поглядывая на экран с набережной. Мужчина за стойкой прокрутил записи, сверил фамилию и повернул монитор чуть в сторону.

— Здесь зарегистрирован вход через главный холл в восемь сорок семь. В этом окне у меня итоговое состояние, самого считывания нет. Я сброшу присутствие, а время передам техникам. Они уже посмотрят камеру и журнал турникета. До этого гадать, откуда запись взялась, смысла нет.

Лукас посмотрел на время ещё раз. Улыбка исчезла сама.

— В восемь сорок семь я был в дороге. Камеру им тоже сохраните, пожалуйста. После сегодняшнего утра мне хочется сначала увидеть, что именно система приняла за меня, а уже потом называть это обычным сбоем.

Охранник отметил что-то в журнале, бросил короткий взгляд на кадры с набережной за спиной Лукаса и без дополнительных вопросов разблокировал проход.

До лифтов оставалось метров двадцать, когда телефон снова завибрировал. Кофейня на первом этаже сообщала о невостребованном заказе: двойной американо без сахара, приготовлен в 08:51.

Эту функцию Лукас включил несколько месяцев назад. Офис подтверждал прибытие, его обычный заказ уходил в очередь, и к тому времени, когда он проходил холл, стакан уже ждал на выдаче. Первую неделю удобство радовало; потом превратилось в часть утра, которую перестаёшь замечать.

Бариста нашла запись и повернула к нему терминал.

— Заказ пришёл как обычно после вашего входа. Его приготовили, но никто не забрал, поэтому позже оформили возврат. С нашей стороны всё выглядело нормально. Если хотите, сделаю новый сейчас вручную, чтобы он ни от чего больше не зависел.

Лукас посмотрел на полку с готовыми напитками.

— Сделайте. Старую запись только не удаляйте, если можно. Хочу, чтобы техникам осталось что проверить.

Девушка кивнула и больше ни о чём не спрашивала. Пока за стойкой шумела кофемашина, Лукас снова посмотрел на время: 08:47 — прибытие, 08:51 — кофе. Так проходили десятки его утр. Сегодня привычная последовательность началась, пока он находился в другой части города.

Оскар встретил его возле стеклянной переговорной. Пиджак висел на спинке стула, рукава рубашки были закатаны. Увидев стакан и лицо Лукаса, он убрал планшет в сторону.

— Давай всё сразу и по порядку. Свою версию пока придержи. После набережной слишком легко связать всё, что случилось утром, в одну историю, а у нас ещё нет для этого оснований.

Лукас протянул ему телефон с журналом входа и заказом. Пока Оскар читал, взгляд Лукаса ушёл через стекло в переговорную. На большом экране была открыта карточка сделки. Рядом с именами участников стояли их предварительные позиции.

Напротив его фамилии значилось: **поддержать покупку при улучшении условий сделки**.

Лукас поставил стакан на подоконник и подошёл ближе.

— Этого я не подтверждал. Ночью оставлял заметки, но позицию в материалы не отправлял. Посмотри историю до того, как что-нибудь трогать.

Оскар открыл рабочую карточку и несколько минут разбирался сам. Когда цепочка сложилась, удивления на лице не появилось; скорее раздражение человека, который нашёл понятное правило в неподходящем месте.

— Ночью ты сохранил рабочую заметку. Помощник собрал из неё черновик, как делает перед каждой встречей. После подтверждения, что участник пришёл в офис, и когда до начала остаётся меньше десяти минут, черновик становится виден остальным. Обычно ты заходишь раньше и успеваешь его открыть. Сегодня профиль сообщил, что ты уже здесь, поэтому помощник просто выполнил расписание.

Лукас перечитал строку. В ней не было ничего чужого. Осторожное «при улучшении условий» вполне могло появиться из его ночных записей. Он не дал Оскару убрать публикацию.

— Оставь до конца встречи. Хочу услышать остальных с этой строкой перед глазами и посмотреть, останется ли она моей после разговора.

Оскар закрыл планшет. Вместо ответа сразу взялся за ручку двери и лишь там задержался.

— Оставлю. Но если поймаешь себя на желании сказать «нет» только потому, что здесь уже написано «да», сначала посмотри в расчёт. С программой ты потом успеешь выяснить отношения. Сделка одна.

Лукас взял кофе и вошёл следом.

Встреча началась с письма, которого ночью не существовало. Один из крупных арендаторов утром сообщил, что не собирается продлевать договор на прежних условиях. Элиза положила перед Лукасом распечатку и новую версию расчёта. Феликс сидел напротив, сложив руки на столе. Он ничего не сказал о вчерашней уверенности Лукаса, только подвинул второй лист ближе.

— Сначала это. Потом решим, насколько сильно меняется первый этаж.

Лукас прочитал письмо и попросил Элизу открыть исходный расчёт. Через несколько минут ему уже было не до предварительной строки на экране. Свободная площадь становилась заметно больше, прежний срок заполнения выглядел слишком оптимистично, часть расходов приходилось пересчитывать. Феликс спорил коротко и по делу, Элиза сразу меняла цифры там, где соглашалась с замечаниями. Ночная уверенность Лукаса постепенно уступала место более осторожной оценке.

Позже продавец прислал встречное условие: цену оставлял прежней, зато соглашался взять на себя часть расходов, если освободившуюся площадь не удастся быстро заполнить. Сделка снова становилась приемлемой, хотя уже по другим причинам. Лукас уточнил одну цифру у Элизы, перечеркнул собственную пометку и написал рядом новую.

Когда Феликс попросил назвать окончательную позицию, Лукас машинально посмотрел на строку справа. Желание отказаться возникло быстрее, чем он успел вернуться к цифрам, и этого оказалось достаточно, чтобы понять причину.

Феликс заметил паузу и перестал листать документы.

— Если тебе нужно ещё пять минут на расчёт, возьми. Нам сейчас дешевле посидеть, чем потом объяснять, почему торопились.

Лукас провёл пальцем по краю листа, ещё раз посмотрел на итоговую сумму и поднял глаза.

— Покупку поддержу. Компенсацию продавца фиксируем в договоре, уход арендатора считаем реальным риском. Срок заполнения первого этажа пересчитаем без надежды на чудеса. Если он принимает эти условия, идём дальше.

Феликс сразу повернулся к Элизе и начал формулировать пункты для продавца. Оскар остался у окна и не вмешивался. Когда разговор уже продолжился, Лукас ещё раз посмотрел на предварительную позицию: она осталась правильной.

После встречи охрана запросила подтверждение того, что в 08:47 Лукас физически находился вне здания. Он разрешил приложить журнал поездки автомобиля. Для самого спора хватало времени и положения машины; историю маршрута система добавила к файлу автоматически.

В 11:17 обращение прошло первичную проверку и попало в очередь спорных состояний профиля. Корпоративная учётная запись подтверждала присутствие Лукаса в офисе, а журнал автомобиля показывал его в другой части города. Такие противоречия автоматика дальше не решала — их разбирали люди.

За окнами снег окончательно перешёл в дождь. Трамваи проходили перекрёсток, оставляя блеск на мокрых рельсах. Макс разговаривал с женщиной, которая хотела закрыть профиль умершего отца, сохранив семейные фотографии и покупки. Нора стояла у соседнего отдела с папкой под мышкой и спорила с кем-то через перегородку. Алекс закончил предыдущую заявку, попробовал кофе, понял, что тот окончательно остыл, и открыл следующую карточку.

Имя Лукас Верн сначала ничего ему не сказало. Фотография — сразу.

Мужчина из синего седана выглядел на корпоративном снимке заметно свежее, чем утром во дворе. В истории стояло прибытие в 08:47, заказ кофе в 08:51, публикация предварительной позиции в 08:56 и фактический проход после ручного сброса в 09:08. Алекс видел, как Лукас утром выезжал со двора, и достаточно хорошо представлял дорогу до делового квартала, чтобы первая отметка сразу выглядела неправильной.

Он открыл исходные события и через несколько минут позвал Тео. Тот не отозвался сразу: закончил строку на своём экране, сохранил работу, взял чашку и только после этого подошёл.

Алекс развернул временную шкалу так, чтобы были видны обе отметки входа.

— Пользователь живой, я его утром видел. Посмотри сначала физический вход. Здесь профиль считает, что он оказался в офисе минут на двадцать раньше, чем мог туда доехать. Остальное специально не пересказываю — хочу сначала увидеть, откуда взялся статус.

Тео поставил чашку подальше от клавиатуры. После первого взгляда на времена выражение у него стало рабочим. Он открыл запись турникета, затем камеру главного холла и пошёл назад к источнику статуса. Алекс не вмешивался. Тео работал молча, пока не вывел рядом две записи.

— В 08:47 физического прохода нет. Турникет Лукаса не считывал, камера тоже. Статус пришёл из парковочного контура. Здесь старая проблема в том, как два сервиса понимают одно слово. Для парковки «подтверждено» означает, что место закреплено за машиной и расчётное время попало в нужное окно. Офис когда-то связал тот же статус с фактическим прибытием сотрудника. Обычно расхождения почти нет, поэтому ошибку никто не видит. Сегодня машина приехала позже, а статус — вовремя.

Тео прокрутил историю ниже. Кофейня и рабочий помощник включились после ложного присутствия.

— Дальше всё штатно. Кофейня увидела человека в здании и отправила обычный заказ. Помощник решил, что участник уже на месте, до встречи осталось несколько минут, и вынес сохранённый черновик в общие материалы. Исправляем одно соответствие статусов, остальная цепочка перестаёт запускаться раньше времени. Остальные сервисы я бы не трогал.

Алекс начал заполнять комментарий. Один ошибочный переход объяснял всё, ради чего пользователь обратился в поддержку. Интеграцию он сразу пометил для Тео, а в заявке оставил, что последующие действия сервисов соответствовали полученному состоянию. Тео прочитал формулировку через плечо, кивнул и добавил только, что до исправления парковочный прогноз лучше вообще не использовать как подтверждение физического присутствия.

Для закрытия оставалось проверить журнал автомобиля. Алекс открыл файл, нашёл нужную отметку и увидел машину в нескольких километрах от офиса. Можно было возвращаться к заявке.

Чуть выше на карте была видна более ранняя часть поездки. Первоначальная линия шла через Южную набережную, затем уходила в сторону, возвращалась и менялась снова. Рядом с пересчётами сохранились идентификаторы внешних транспортных событий.

Тео успел забрать чашку и сделать несколько шагов к своему месту, когда Алекс попросил его задержаться.

— Это уже не про ложный вход. Первый объезд Лукасу предложили около восьми тридцати одной, а официальное сообщение об обрушении появилось позже. Проверь только одно: могло прийти служебное ограничение, которого водитель ещё не видел. Если да, на этом закончим.

Наиболее вероятной Тео тоже считал именно эту версию. Он вернулся без комментариев, открыл служебную диагностику и некоторое время искал идентификатор причины. Навигация принадлежала внешней системе, поэтому её внутренние журналы оставались недоступны. Партнёрам сохранялась только часть данных, использованных при пересчёте.

— Перекрытия здесь нет. Есть небольшое снижение оценки участка, без аварийного статуса. Глубже мы отсюда не видим, но сохранилась ссылка на техническую сводку. Если источник ещё доступен, хотя бы поймём, какой класс данных пришёл.

Тео открыл ссылку и задержался на списке событий. Над пересчётом Лукаса находились более ранние записи того же типа. Он проверил время ещё раз и придвинулся к экрану.

— Лукасу новый путь предложили не первому. В выборке уже есть машины, которым маршрут менялся раньше. Давай сначала разберёмся с этим, а потом решим, стоит ли вообще чему-то удивляться.

Техническая сводка была короткой. После прошлогодней проверки несколько старых зданий этого квартала подключили к городскому контуру технического риска. Транспорт не получал показания датчиков или изображение с камер; ему передавалась только итоговая оценка участка, чтобы при равных маршрутах учитывать возможные ограничения ещё до появления полноценного дорожного события.

До обрушения оценка немного снизилась. Мониторинг здания отметил отклонение вибрации, а камера через улицу чаще обычного корректировала положение одной точки фасада. Оба показателя оставались ниже тревожного порога. Для инженера это означало наблюдать дальше, для транспортной модели — лишь сделать участок немного менее привлекательным по сравнению с соседним.

Тео открыл несколько ранних пересчётов и проверил, что происходило дальше. После первых изменений маршрута часть автомобилей ушла на соседние улицы. Фактический поток на перекрёстках изменился, регулирование подстроилось под новое количество машин, и следующие расчёты получили уже другие времена проезда.

Он не стал превращать увиденное в объяснение шире тех данных, которые лежали перед ним.

— В доступной выборке до официального ограничения пересчитано двадцать семь маршрутов в сторону соседних улиц. Что сделали водители после предложения, мы не знаем. Полного городского журнала у нас тоже нет. Я могу подтвердить только порядок: техническая оценка начала меняться раньше, потом появились первые объезды, после них изменился поток.

Алекс некоторое время смотрел на список, затем открыл карточку Эмиля Тарена.

Тео заметил фамилию и откинулся на спинку. Шутить не стал.

— Если ты открыл его из-за ощущения, что структура похожа, понимаю. Но технически это пока разные истории. У Эмиля два правила мешали друг другу. Здесь транспорт, судя по тем данным, которые у нас есть, делает обычную работу. Поэтому с общими выводами я бы не торопился.

Алекс оставил обе карточки рядом и провёл пальцем по краю мыши.

— Общий вывод мне сейчас не нужен. С Эмилем мы искали место, где появилась задача вернуть профиль в активные связи. Здесь хочу найти первую команду убрать машины именно с Южной набережной. Если она была раньше пересчётов, вопрос закрывается.

Такая постановка Тео устроила. Он убрал карточку Эмиля, освободил экран и начал искать доступные городские отметки. За это время Макс закончил разговор и подошёл к принтеру. Нора вернулась к своему столу, обнаружила, что где-то оставила папку, и снова ушла в соседний отдел. Алекс попробовал кофе и поставил чашку обратно — пить его уже не имело смысла.

Первая прямая команда нашлась в 08:40:03. После сообщения об обрушении городской диспетчер дал распоряжение перекрыть Южную набережную и две прилегающие улицы. В доступной транспортной выборке автоматические пересчёты начинались около 08:28.

Тео проверил обе отметки, затем свернул лишние окна.

— В рабочий комментарий я бы написал только то, что можем защитить. До аварии появились слабые технические отклонения, из-за них изменилась оценка участка. Транспорт начал пересчитывать часть маршрутов раньше официального ограничения. В наших данных до 08:40 нет прямого распоряжения увести машины с набережной, но город целиком мы не видим. И никакого прогноза падения здания здесь тоже нет: все найденные сигналы уже существовали в момент реакции.

Он перевёл взгляд на заявку Лукаса и вернулся к той части, за которую действительно отвечал.

— Пользователю это всё равно не нужно. Его проблема — парковочный статус, который офис принял за присутствие. Я заберу интеграцию. Маршрут к ложному входу отношения не имеет, и тащить его в ответ пока бессмысленно: только создадим вопрос, на который сами не можем нормально ответить.

Алекс согласился. Для обращения действительно требовалось другое: подтвердить местоположение Лукаса в 08:47, объяснить ошибочное состояние профиля и сообщить, что связку парковки с офисным присутствием исправят. Всё необходимое уже лежало в карточке.

Тео забрал чашку и вернулся к своему столу. Алекс открыл форму закрытия. В поле причины уже стояло: **ошибка синхронизации статуса**. Ниже был готов стандартный ответ пользователю. Журнал автомобиля подтверждал нужную временную отметку, а всё, что находилось выше неё, к жалобе Лукаса формально не относилось.

Алекс ещё раз посмотрел на 08:28, отвёл мышь от кнопки и оставил окно на экране.

Карточку он оставил открытой.

Глава 7. Связи

К половине восьмого дождь почти закончился. За день февральская оттепель успела съесть тонкий слой свежего снега на проезжей части, оставив вдоль бордюров рыхлые серые валы, песок и воду. Алекс поставил машину во дворе клиники, заглушил двигатель и посмотрел на три освещённых окна второго этажа. До записи оставалось четыре минуты. Телефон уже был в руке: можно было написать сестре, что передумал. Алекс представил следующий разговор, убрал телефон в карман и пошёл к входу.

В коридоре пахло мокрыми пальто и кофе. За стойкой приёмной никого не было, из соседней комнаты доносились голоса и скрип передвигаемых стульев. Номер кабинета Алекс увидел почти сразу.

Дверь открыл Марк.

— Алекс? Заходите. Пальто можно оставить здесь. Вода на столе. Кофе я бы сегодня не советовал: автомат внизу вторую неделю ведёт собственную борьбу с посетителями.

Кабинет был небольшим: два кресла, низкий стол, шкаф с книгами, растения у запотевшего окна. Радиатор под подоконником грел ощутимо сильнее, чем требовал февраль.

Алекс повесил пальто.

— Для места, где людям помогают разобраться в себе, указатели могли сделать понятнее. А кофе пропущу. Одного специалиста на вечер достаточно.

Марк усмехнулся, убавил батарею и сел напротив. На фотографии клиники он выглядел моложе. Вживую у висков была заметна седина, ремешок часов давно потёрся на сгибе. Никакой демонстративной мягкости или особенного взгляда, которым психолог должен был за несколько секунд определить все детские травмы посетителя, Алекс не обнаружил.

Он выбрал кресло ближе к двери. Марк оставил блокнот закрытым.

— Я давно перестал начинать с анкет. За двадцать с лишним лет люди убедили меня, что заполняют их обычно про одно, а через десять минут говорят совсем про другое. Поэтому проще спросить: зачем вы сегодня сюда приехали?

Ответ Алекс придумал ещё в машине.

— Не хотел спорить с сестрой. Она решила, что мне полезно поговорить с психологом. Я прикинул, сколько времени уйдёт на доказательство обратного, и понял, что один визит выйдет дешевле. Она умеет через неделю вернуться к разговору ровно с того места, где ты давно решил, что тема закрыта. Так что теперь смогу сказать: сходил, поговорил, ничего опасного не нашли.

Марк выслушал спокойно, не потянувшись за ручкой.

— Вполне обычный повод для первого визита. Иногда близкие успевают надоесть человеку раньше, чем собственная проблема. Час у нас всё равно есть. Если в конце решите, что зря его потратили, это тоже будет результатом.

Алекс ожидал большего давления. Возможно, разговора о сопротивлении, возможно, попытки немедленно найти за иронией что-нибудь вытесненное. Марк ничего такого не сделал, и привычная оборона осталась без применения.

За стеной кто-то прошёл по коридору. Марк открыл блокнот.

— Возьмём последние недели. Что-нибудь возвращается в голову чаще, чем вы привыкли? Работа, событие, решение. То, что формально уже должно было закончиться.

Алекс провёл большим пальцем по шву подлокотника.

— Работа. У нас регулярно появляются случаи, которые сначала выглядят сложнее, чем есть. Один сервис обновил состояние, другой ещё живёт со старым. Где-то неверно поняли статус, где-то человек сделал что-нибудь в неожиданном порядке. Обычно находишь первое

расхождение, и дальше всё становится скучным. Последнее время было несколько таких историй. Причины нашли. Для закрытия задач их достаточно.

Марк положил блокнот на край стола.

— Для задач — достаточно. Для вас, похоже, нет.

Алекс посмотрел на него внимательнее.

— Вот сейчас мы упрёмся в перевод. Я работаю с цифровыми профилями и связями между сервисами. Если начну нормально объяснять, через пять минут вы будете вежливо кивать и понимать половину. Потом вы ответите чем-нибудь профессиональным, и кивать уже буду я.

Марк развернул к нему чистую страницу.

— Тогда не будем обмениваться дипломами. Назовите участников. Кто есть в этих историях и что делает.

Так было проще.

— Есть человек. Он чего-то хочет, выбирает маршрут, покупку, кому написать. Есть навигация. Цифровой профиль. Рекомендации. Городские сервисы получают свои данные. У каждого своя задача.

Марк поставил на листе несколько точек.

— Теперь возьмите только то, к чему возвращаетесь.

Алекс ненадолго замолчал. Начать с конкретного случая оказалось легче, чем пытаться сразу объяснить, что именно связывает их у него в голове.

— Был запрос семьи на полное удаление профиля умершего человека. Обычная процедура. Мы закрывали старые связи одну за другой. Потом кто-то загрузил фотографию многолетней давности. Другой сервис штатно узнал на ней лицо и снова связал фотографию с профилем, который в это время удалялся.

Марк слушал, не записывая.

— Там нет одной большой ошибки, — продолжил Алекс. — Один процесс удаляет связь, потому что должен удалить. Другой создаёт её, потому что должен распознать человека на фотографии. Оба делают ровно то, для чего написаны.

Он немного помолчал, прежде чем перейти ко второму случаю.

— Несколько дней назад человек приехал в офис позже, чем офис решил, что он приехал. Там причина нашлась быстро. Парковочный сервис использовал статус в одном значении, офисная система поняла его в другом. Из этого дальше совершенно нормально выросли кофе, рабочий черновик и ещё несколько действий. Исправляем конкретную ошибку, пользователь получает ответ, разработчик знает, что менять. Всё.

Последнее слово прозвучало суше, чем Алекс собирался.

— Но в журнале поездки была другая история. Навигация заранее несколько раз предлагала ему уйти с дороги, где потом обрушилась часть здания. Мы полезли смотреть, почему. Нашли слабые технические сигналы, изменение оценки участка, первые пересчитанные маршруты. Потом изменился реальный поток, и следующие расчёты получили уже другую дорожную обстановку. Каждая ступень сама по себе объяснима.

Марк чуть наклонил голову.

— А вас не устраивает именно то, что объяснима каждая ступень?

— Меня не устраивает итог. Я привык раскручивать события назад. Если произошло действие, до него изменилось состояние, пришёл запрос, появилась информация. Рано или поздно доходишь до места, после которого всё становится понятным. Здесь я дохожу довольно далеко и всё равно не вижу, где кто-то хотел получить именно такой финал.

Ручка Марка зависла над точками.

— То есть вас интересует место, где вся последовательность известна целиком. Где кто-то понимает, к чему она должна прийти.

Алекс вернулся глубже в кресло.

— Да. Вот это ближе.

Марк не спешил с продолжением. За стеной снова задвигали мебель, потом кто-то рассмеялся у самой двери.

— Есть ещё одна возможность, которую стоит проверить, прежде чем искать дальше управляющий уровень. Иногда результат появляется из взаимодействия частей, хотя ни у одной из них нет полного плана. В психологии и исследованиях сложных систем это не новая идея. Но объяснять её вам сейчас словами будет довольно бессмысленно.

Алекс посмотрел на стену, за которой опять раздался скрип стула.

— И поэтому там за дверью уже приготовили людей.

Уголок рта Марка дрогнул.

— Совпало удачно. У коллеги по четвергам группа. Под конец они иногда используют простое пространственное моделирование. Не для диагностики и точно не для получения тайных знаний о чужой семье. Можно взять пятерых добровольцев и вынести вашу схему из блокнота в комнату.

Алекс почесал бровь.

— Если это те самые расстановки, где незнакомая женщина внезапно чувствует, что мой покойный дед кого-то не любил, я лучше всё-таки продолжу с блокнотом.

Марк рассмеялся негромко.

— За двадцать лет я видел достаточно методов, чтобы относиться к таким вещам осторожно. Здесь никто ничего не будет чувствовать за вашу систему. Люди станут точками в пространстве. Кто кого видит, кому кто мешает, что меняется после движения. Всё.

Он закрыл блокнот.

— Первые минуты это всё равно выглядит как плохой театр. С этим я ничего не могу сделать. Дайте ему десять минут. Потом сами решите, было ли в этом хоть что-нибудь полезное.

Алекс посмотрел на дверь.

— Хорошо. Но если кто-нибудь спросит про отношения с матерью, отвечать будете вы.

Марк поднялся.

— С этим справлюсь.

Через пару минут он вернулся вместе с Ларой. Пятеро участников согласились задержаться ещё ненадолго; им объяснили только, что речь идёт о внешней модели рабочей задачи. Личных историй никто не спрашивал. Можно было выйти в любой момент.

В соседней комнате стулья уже стояли вдоль стен. На столе оставались пластиковые стаканы, бутылки воды и три половинки печенья. Девушка дописывала сообщение, высокий мужчина надевал свитер, женщина искала под стулом шарф. Никто не выглядел человеком, который собирался сообщить Алексу тайну устройства мира.

Лара попросила оставить центр свободным.

Марк остановился возле стены.

— Назовите элементы.

— Человек. Система. Навигация. Цифровой профиль. Городские данные.

— «Систему» пока уберём.

Причину Алекс понял почти сразу.

— Потому что я уже назвал целое, существование которого пытаюсь проверить.

Марк кивнул.

— Что поставить вместо него?

Алекс посмотрел на свободное место между людьми.

— Намерение. То, чего человек хочет или собирается сделать.

Невысокому мужчине достался Человек, женщине в сером — Намерение, остальным три технологических элемента. Алекс расставлял их сам: Человека почти в центре, Намерение

перед ним и немного справа, Навигацию ближе к выходу, Профиль за левым плечом, Городские данные дальше остальных.

Он отступил.

Получилась обычная схема, только вместо кружков и стрелок стояли люди.

Лара прошла вдоль стены.

— Никто ничего не изображает. Говорите только о том, что действительно видите: кто закрывает обзор, к кому приходится поворачиваться, где стало тесно. Если после чужого движения захотите сменить положение, объясните причину.

Человек видел Намерение и Навигацию. Профиль — Человека сбоку. Городские данные почти полностью закрывала Навигация.

Лара обратилась к женщине, обозначавшей Городские данные:

— Переместитесь так, чтобы Навигацию было видно лучше.

Женщина сделала два шага в сторону. Навигация повернулась к ней и оказалась слишком близко к Намерению. Та отступила. Человек вслед за изменившейся фигурой немного сдвинулся вправо, чтобы не потерять Навигацию из поля зрения.

Алекс остался у стены.

Пятеро взрослых людей переместились на несколько шагов. Пока ничего, кроме геометрии комнаты, здесь не происходило.

— Они понимают, что упражнение должно что-то показать, — сказал он. — Один двигается, остальные подхватывают. В конце кто-нибудь обязательно сделает ещё один шаг, иначе всё это будет выглядеть бессмысленно.

Марк не стал защищать метод.

— Возможно. Как проверите?

Алекс посмотрел на участников.

— Вернитесь обратно.

Теперь он сам восстанавливал исходную фигуру. Навигацию попросил сместиться левее, Профиль поправил на полшага.

— Нет, вы стояли чуть дальше. Вот здесь.

Когда все вернулись на места, Алекс прошёл вокруг них, проверяя расстояния.

— В прошлый раз Городские данные ушли вправо. Теперь пойдите в другую сторону. Условие прежнее: нужно видеть Навигацию. Остальных не учитывайте.

Он посмотрел на Марка.

— Человеку ничего не говорим.

Марк молча отошёл ближе к Ларе.

Городские данные двинулись влево. Навигация развернулась. Новое положение перекрыло часть обзора Профилю; мужчина сначала попытался остаться на месте, затем сместился. Намерение оказалось между ними и тоже отошло.

Человек пока не двигался.

Алекс смотрел только на него.

Мужчина повернул голову, оценил освободившееся пространство и шагнул назад.

В первый раз он ушёл вправо. Теперь оказался позади исходной точки.

— Останьтесь так.

Алекс подошёл ближе. Прошёл от Городских данных к Навигации, затем к Профилю. На полу не было стрелок, но теперь их почти не требовалось.

— Кто из вас решил, что он должен оказаться там?

Мужчина-Человек пожал плечами.

— Никто. Впереди стало неудобно. Сзади было свободно.

Навигация указала на Городские данные.

— Я вообще двигалась из-за неё.

Профиль объяснил свой шаг потерянным обзором. Намерение — расстоянием до остальных.

Причины были мелкими и совершенно бытовыми.

Алекс ещё раз обошёл фигуру. Несколько дней назад он искал в журналах именно то, чего здесь не существовало: команду, в которой кто-то заранее знает последнюю позицию.

— В реальности всё сложнее, — сказал он. — Здесь люди слышат инструкции, видят друг друга и знают, что участвуют в эксперименте.

Марк кивнул.

— Конечно. Эта комната ничего не доказывает про ваши сервисы.

— Но показывает, что сам вопрос про того, кто отдаёт последнюю команду, может быть неправильным.

Марк не ответил сразу.

— Может быть недостаточным.

Этого уточнения хватило.

Лара закончила упражнение. Через минуту Человек уже надевал свитер, Навигация проверяла телефон, Намерение наконец нашло шарф. Схема исчезла вместе с задачей, хотя все её части остались в комнате.

Алекс задержался в центре.

— В теле ведь похожая история.

Марк взял свой блокнот со стула.

— Продолжайте.

Алекс посмотрел на людей у двери.

— Клетка не знает, куда человек собирается ехать. Нерв тоже. Сердце вообще занимается своим. Каждая часть получает то, что касается её, а человек всё равно встаёт и идёт куда-то целиком.

Он потёр подбородок.

— Что-то вроде организма...

Само слово заставило его замолчать.

Марк не стал подхватывать.

— Для аналогии годится. В качестве вывода — пока нет. Хорошие аналогии опасны тем, что очень быстро начинают объяснять больше, чем мы реально проверили. Если завтра вы решите, что город — живой организм, потому что пять человек подвигались по комнате, значит, вечер прошёл зря.

Алекс усмехнулся.

— У вас редкий талант портить хорошие открытия.

— Профессиональная привычка.

Когда они вернулись в кабинет, Марк уже не расспрашивал его о впечатлениях. Собрал бумаги, посмотрел на часы и только потом снова открыл блокнот.

— Если будете продолжать, ищите то, что способно разрушить вашу версию. Общий источник данных. Правило уровнем выше. Совпадения, которые исчезают на другой выборке. Любую вещь, после которой сможете сказать: я связал то, что на самом деле не было связано.

Алекс взял лист с точками.

— А если не найду?

— Тогда вопросов станет больше. Это ещё не ответ.

На улице мокрый снег снова перемешался с дождём. Алекс дошёл до машины, бросил пальто на заднее сиденье и положил лист Марка рядом с собой. Завёл двигатель.

Экран ожил вместе с приборной панелью. На карте появилась синяя точка, и спокойный женский голос спросил:

— Куда направимся?

Алекс задержал руку на рычаге.

Чтобы навигатор действительно услышал его, нужно было нажать кнопку на руле. Он прекрасно это знал.

— Сегодня как-нибудь без тебя обойдусь.

Пальцем смахнул карту и закрыл приложение.

Адрес блюз-бара «Дядя Джо» Анна прислала ещё днём. Район он знал, улицу тоже. Первые перекрёстки Алекс всё ещё прокручивал в голове комнату с пятью людьми и едва не пропустил нужный поворот. После этого мысли пришлось отложить и заняться дорогой.

Анна ждала под узким козырьком у входа в бар «Дядя Джо». Старая красная вывеска светилась неровно; последняя буква время от времени гасла. Алекс припарковался через несколько машин от входа и посмотрел на часы.

Опоздал на три минуты.

Анна читала афишу у двери. Заметив его, сначала посмотрела на часы, потом на лицо.

— Три минуты считать не буду. Но психолог явно оказался интереснее, чем ты рассчитывал.

Из бара вышла пара. Алекс пропустил их и поцеловал Анну в щёку.

— Меня поставили в комнате с пятью незнакомыми людьми и предложили объяснить ими работу цифровых систем. Для обычной беседы получилось довольно насыщенно.

Анна задержала руку на двери.

— Я пока не поняла, это жалоба или рекомендация.

Алекс пропустил её внутрь.

— За столом решу.

Из короткого коридора тянуло деревом, кухней и старым табаком, давно въевшимся в стены. «Дядя Джо» ничего специально не изображал: тёмные панели вытерлись возле проходов, латунь на стойке потускнела от рук, старые афиши висели рядом с новыми. У стены возле сцены стояло чёрное пианино.

Анна выбрала стол немного в стороне. Номер уже шёл, поэтому первые минуты они слушали молча. Алекс заказал минеральную воду с лаймом. Анна взяла бокал вина.

Во время соло она улыбнулась ещё до того, как изменилась музыкальная фраза.

После аплодисментов Алекс наклонился ближе:

— Ты знала, что он сейчас сыграет.

Анна сделала глоток.

— Я знаю эту композицию. Для расследования пока маловато.

От сцены к ним уже шёл сухощавый мужчина лет пятидесяти, с сединой у висков и закатанными рукавами тёмной рубашки.

Увидев его, Анна улыбнулась сразу, без привычной паузы.

— Тони.

Он коротко обнял её и протянул руку Алексу.

— Тони. Иногда здесь играю. В остальное время рассказываю, что раньше играл лучше.

— Алекс. Пока выясняю, сколько у неё ещё закрытых разделов биографии.

Тони усмехнулся и снова повернулся к Анне.

— Через пару номеров сядешь? Один раз. Пианино сегодня настроили, нельзя же совсем игнорировать такие чудеса.

Анна посмотрела на инструмент, потом на Алекса.

— Нет. Сегодня я пришла сюда слушать и провести вечер с ним.

Тони приподнял брови, но спорить не стал.

— Хорошо. Предложение остаётся.

Перед уходом он всё-таки наклонился к Алексу.

— Она правда очень хорошо играет.

Анна произнесла его имя уже предупреждающе. Тони поднял ладонь и вернулся к сцене.

Алекс дождался, пока он возьмёт гитару.

— А я уже подумал, что ты только в зимнем сквере книжки читаешь.

Анна провела пальцем по ножке бокала.

— Мы знакомы слишком мало, чтобы ты получил всё сразу. Я играла с детства. Потом были преподаватели, конкурсы, выступления. Какое-то время думала заниматься музыкой всерьёз.

На сцене барабанщик проверил малый барабан. Она переждала звук.

— Потом заметила, что плохой день стала оценивать по тому, насколько хорошо сыграла. Музыка превратилась в ещё одно место, где надо что-то доказывать. Играть я не бросила. На сцену почти не выхожу.

Алекс посмотрел на пианино.

— Сегодня Тони не повезёт?

Анна улыбнулась.

— Сегодня я пришла сюда с тобой.

Музыканты вернулись на сцену, и продолжение оказалось лишним.

Во время следующего номера пальцы Анны едва заметно повторяли рисунок по столу. Иногда левая кисть двигалась раньше смены гармонии, словно под ней действительно были клавиши.

Алекс не расспрашивал.

К разговору о Марке Анна вернулась во время следующего перерыва. Официант как раз забрал пустой бокал с соседнего стола и прошёл между ними и сценой.

— Теперь всё-таки расскажи про пять человек. Я весь номер пыталась представить тебя в терапевтическом кругу и не смогла.

Алекс улыбнулся, подвинул стакан, освобождая место официанту.

— Круга не было. Я расставил людей вместо человека, его намерения, навигации, профиля и городских данных. Потом одну часть сдвинули. На неё отреагировала следующая, потом ещё одна. В конце Человек тоже сменил место, хотя ему никто не говорил, куда идти.

Анна слушала, не перебивая. На сцене Тони присел возле педали, что-то проверяя в кабеле. Алекс провёл пальцем по влажному кругу от стакана.

— Первый раз я решил, что они просто подыгрывают. Ну знаешь, все понимают, что упражнение должно к чему-то привести, значит, кто-нибудь обязательно двинется. Я попросил вернуть их обратно и начать с другого места.

Анна чуть повернулась к нему всем корпусом.

— И что?

Алекс поднял стакан, сделал глоток и поставил обратно.

— Человек ушёл вообще в другую сторону. Но до него всё снова дошло через остальных. Один потерял обзор, другой отступил, третьему стало тесно. Никто не решал, где он окажется в конце.

Он замолчал, вспоминая фигуру в комнате.

— Я даже сам встал на его место. Хотел понять, почему он сделал именно этот шаг.

Анна перестала крутить ножку бокала.

— Понял?

Сцена снова ожила: барабанщик попробовал несколько тихих ударов, контрабасист что-то сказал Тони, тот махнул рукой и вернулся к усилителю. Алекс дождался, пока звук станет тише.

— Да. Я бы шагнул туда же.

Анна некоторое время смотрела на него, уже без улыбки.

— И это тебя так зацепило?

Алекс перевёл взгляд на сцену.

— Я всё время искал того, кто знает, чем должна закончиться цепочка. Где решение, где команда, где точка, откуда всё начинается. А там такой точки просто не было. Каждый реагировал только на то, что менялось рядом.

Он чуть пожал плечом.

— Это ничего не доказывает. Пять людей в комнате — всё ещё пять людей в комнате. Но теперь я хотя бы допускаю, что иногда вопрос «кто всем управляет?» может быть поставлен неправильно.

Анна опустила взгляд в бокал, потом снова посмотрела на него.

— Ты пришёл к психологу, чтобы меньше об этом думать. Получилось?

Алекс усмехнулся.

— Похоже, теперь я просто думаю об этом более квалифицированно.

Она рассмеялась, и почти сразу музыканты начали следующий номер. Возвращаться к теме они не стали.

Они остались ещё на два сета. Анна пыталась объяснить разницу между двумя манерами исполнения, Алекс признался, что половину различий считывает по её лицу и потом делает вид, что услышал сам. После этого она перестала преподавать и просто слушала.

В дороге к её дому они почти не разговаривали. После живой музыки тишина не требовала заполнения; за окнами проходили мокрые улицы, редкие хлопья снега исчезали под колёсами, вдоль трамвайных путей лежали серые остатки февральской зимы.

У её дома Алекс нашёл свободное место чуть дальше подъезда. Во дворе блестел асфальт, пустые качели на площадке едва двигались от ветра. В нескольких окнах ещё горел свет.

Он выключил двигатель.

Анна отстегнула ремень, но выходить сразу не стала. Повернулась к нему, улыбнулась, потом всё-таки открыла дверь.

До подъезда они дошли рядом.

Под козырьком было сухо. За стеклянной дверью горел жёлтый свет, на лестничной площадке лежала тёмная дорожка. Анна достала ключи, но к замку не потянулась.

Алекс остановился перед ней.

Первый поцелуй несколько дней назад ещё требовал осторожности. Здесь её уже не было. Анна сама приблизилась, положила ладонь ему на грудь, потом подняла к шее. Ключи остались в другой руке и тихо звякнули, когда она коснулась его плеча.

За стеклом появилась женщина с маленькой собакой. Она заметила их и, пока открывала внутреннюю дверь, старательно смотрела в сторону.

Анна уткнулась Алексу в плечо, сдерживая смех.

Он провёл ладонью по её волосам возле затылка.

Когда они чуть отстранились, дверь подъезда была совсем рядом.

— Спрошу, пока окончательно не испортил момент, — сказал Алекс, не отходя. — Ты сегодня меня наверх не позовёшь?

Анна не стала играть в удивление. Её ладонь всё ещё лежала у него на груди.

— Позову. Просто сегодня рано. Это второе свидание, Алекс. Мне хочется хоть немного не торопить то, что мне нравится.

Она сказала это спокойно, и вопрос сразу потерял ту неловкость, которой Алекс ожидал.

Он кивнул.

Анна поцеловала его ещё раз — короче, мягче — и повернулась к двери. Ключ вошёл в замок.

Алекс сделал пару шагов назад, потом остановился.

— И сколько у тебя считается «не рано»?

Анна приоткрыла дверь. Тёплый свет лёг на лицо и воротник пальто.

— Минимум три. После третьей могу начать менять условия.

Алекс улыбнулся.

— Ну хоть условия сразу сказала.

Она посмотрела на него, качнула головой и вместо ответа подняла три пальца.

Дверь закрылась.

Алекс вернулся к машине. На пассажирском сиденье лежал сложенный лист Марка. Он завёл двигатель и поехал домой.

Ближе к полуночи лист уже лежал рядом с ноутбуком.

Алекс открыл поиск и набрал: «навигатор изменил маршрут перед аварией».

Результатов оказалось много: новости, форумы водителей, обсуждения дорожных работ, паводков, падений деревьев. В одной истории приложение увело машину с улицы за несколько минут до аварии; в комментариях спорили о погодных данных и изменившейся скорости потока.

Следующий запрос касался активности профилей умерших. Здесь находились автоматические поздравления, старые запланированные публикации, предложения отметить человека на фотографии, письма сервисов. Поиск про рекомендации до осознанного решения вывел исследования поведения, рекламные кейсы и материалы о том, сколько можно предсказать по покупкам, местоположению и связям.

Потом Алекс попытался соединить вещи в одном запросе: «разные цифровые системы один результат без общей команды».

Поисковик ответил распределёнными вычислениями, промышленной автоматизацией и управлением сетями.

Он менял слова, добавлял человека, заменял «результат» на «поведение». Нужные истории при этом расходились всё дальше: водитель оставался на автомобильном форуме, умерший профиль — в обсуждении социальных сервисов, точные рекомендации — в рекламе, городской поток — в транспортных системах.

Алекс открыл пустой документ и перенёс туда несколько ссылок.

Рядом лежал лист Марка с пятью точками.

В поле имени файла он написал:

Связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.